

INSPIRIA

Люсинда
Райли

Семь Сестер

Сестра ветра

INSPIRIA

Люсинда Райли
Семь сестер. Сестра ветра
Серия «Семь сестер. Мировые
хиты Люсинды Райли», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74324131
Люсинда Райли. Семь сестер. Сестра ветра: Эксмо; Москва; 2026
ISBN 978-5-04-252269-7

Аннотация

Алли Деплеси собирается принять участие в одной из самых опасных яхтенных гонок в мире, но внезапно получает весть о смерти своего приемного отца Па Солта. Она спешит в дом детства, где собираются пять ее сестер, чтобы вскрыть завещание. Обнаруживается, что каждой из них Па Солт оставил зашифрованные подсказки о тайне их рождения. Но готовы ли они разгадать этот ребус?

История рождения Алли оказывается удивительным образом связана с судьбой певицы Анны Ландвик и знаменитой пьесой «Пер Гюнт», написанной более 150 лет назад.

Алли отправляется навстречу ледяной красоте Норвегии, где, как она верит, сокрыты загадки не только ее происхождения, но и личности великого путешественника Па Солта и... седьмой сестры, которую Па Солт в свое время так и не смог отыскать.

Содержание

Алли	7
1	7
2	36
3	54
4	72
5	88
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Люсинда Райли

Семь сестер. Сестра ветра

Lucinda Riley. The Storm Sister (Seven Sisters #2)

Copyright © Lucinda Riley 2015

© Красневская З., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

*Посвящается Сьюзен Мосс, моей «задушевной»
сестре*

*Нет, я не буду жаться к берегам,
А в море по звездам направлю путь.*

Джордж Элиот «Миддлмарч»

Генеалогическое древо

Йонас Халворсен

21 января 1830 г. —
2 декабря 1890 г.

Маргарет Троль

23 марта 1834 г. —
1 апреля 1887 г.

Йенс Халворсен

15 июля 1855 г. —
30 марта 1921 г.

Анна Андерсдаттер Ландвик

27 июня 1857 г. —
22 октября 1907 г.

Эдвард Хорст Халворсен

30 августа 1884 г. —
15 августа 1985 г.

Астрид Торсен

10 августа 1899 г. —
12 ноября 1995 г.

Сольвейг Анна Халворсен

8 ноября 1877 г. —
8 ноября 1877 г.

Йенс (Пип) Халворсен

1 октября 1916 г. —
14 апреля 1940 г.

Карин Розенблюм

16 мая 1918 г. —
14 апреля 1940 г.

Феликс Мендельсон Халворсен

15 ноября 1938 г.

Том Феликс Халворсен

Действующие лица романа

Атлантис

Па Солт – *приемный отец сестер (умер)*

Марина (Ма) – *гувернантка сестер*

Клавдия – *экономка*

Георг Хофман – *нотариус Па Солта*

Кристиан – *шкипер, капитан катера*

Сестры Д'Аплиез (D'Aplière) / Плеяды

Майя

Алли (Альциона)

Стар (Астеропа)

Кики (Келено)

Тигги (Тайгете)

Трики, Каприза (Электра)

Меропа (отсутствует)

Алли
Июнь 2007 года
«Утреннее настроение»
Эдвард Григ

1

Эгейское море

Момент, когда мне сообщили о смерти отца, навсегда врезался мне в память.

Солнечная палуба яхты «Нептун». Я абсолютно голая, рука Тео уютно покоится на моем животе. На горизонте виднеется остров с золотым от закатных лучей пустынным пляжем, а солнце уже вот-вот готово спрятаться за скалистыми утесами укромной лагуны. Прозрачная, чистая вода ослепительно-бирюзового цвета неспешно накатывает ленивые волны на прибрежный песок и разбивается молочной пенкой капучино.

«Сегодня море такое спокойное, – подумала я и добавила: – Как я».

Вчера вечером мы бросили якорь в небольшой бухте рядом с крохотным греческим островком Мачерес и сразу же сошли на берег с двумя вместительными контейнерами с едой. В одном лежали недавно выловленные красная кефаль и сардины – весь богатый улов Тео за утро. В другом стояли бутылки с вином и пресной водой. Я, немного запыхавшись, опустила свою поклажу прямо на песок. Мой рыбак нежно поцеловал меня в кончик носа.

– Теперь у нас есть собственный необитаемый остров, – воскликнул он, широким жестом обводя идиллический пейзаж. – Пойду-ка прогуляюсь по пляжу, поищу чем развести костер, чтобы поджарить нашу рыбу.

И, повернувшись ко мне спиной, Тео направился к скалам, протянувшимся в форме полумесяца по периметру всей бухты. Я смотрела, как его хрупкая худощавая фигура приближалась к сухому кустарнику, то и дело выглядывающему из расселин. Трудно было поверить в то, что он – моряк мирового уровня, яхтсмен экстра-класса, а в этом изящном теле скрывается недюжинная физическая сила. В сравнении с другими спортсменами, с которыми мне доводилось выступать на соревнованиях, – накачанные мускулы, мощный торс, как у Тарзана, – так вот, на фоне всех этих атлетов Тео не производил особого впечатления. К тому же я почти сразу же заметила, что и походка у него неровная: он слегка припадает на одну ногу. Позднее он рассказал мне, что еще ребенком свалился с дерева и сломал лодыжку, но, видно,

срослось плохо, и перелом давал о себе знать до сих пор.

— Кстати, это одна из причин, почему я решил постоянно жить на воде. Тем, кто видел, как я иду под парусом, в голову не придет, что на суше я неуклюжий болванчик, — Тео неловко рассмеялся.

Мы поджарили рыбу. Потом занимались любовью под звездным небом. Следующее утро должно было стать последним, которое мы проведем вместе на яхте. И вот за секунды до того, как я преисполнилась решимости снова восстановить связь с внешним миром — включить мобильник, — моя жизнь рассыпалась на тысячи, миллионы мельчайших осколков, я лежала рядом с Тео абсолютно умиротворенной. В легкой полудреме, похожей на разноцветный сюрреалистический сон, я прокручивала в памяти наши с Тео чудесные моменты и как в итоге мы оказались в этом поистине райском уголке...

Впервые я увидела Тео где-то год с небольшим назад на Карибах. Там, на острове Сен-Мартен, проходила знаменитая регата «Хейнекен». Победители закатали потрясающую вечеринку, и там я с изумлением узнала, что шкипером у победившего экипажа был тот самый Тео Фейлис-Кингс. Известная личность в мире парусного спорта, можно сказать, самая настоящая знаменитость. За минувшие пять лет уча-

ствия в гонках в открытом море ни одному другому капитану не удавалось столько раз приводить свои команды к победе.

– А я представляла себе его совсем другим, – полупроше-потом прокомментировала я свои первые впечатления от увиденного давнему приятелю Робу Беллани, с которым мы неоднократно защищали честь национальной сборной Швейцарии в составе одного экипажа. – Выглядит как ботаник в своих очках. И походка какая-то странная, – добавила я, наблюдая за тем, как Тео поднялся и, слегка хромя, направился к соседнему столику.

– Ну, может, он и не вписывается в твою картинку идеального яхтсмена, – согласился Роб. – Но поверь мне, Алли, этот парень – самый настоящий гений. У него чертовски развита интуиция. Пожалуй, он единственный, с кем бы я не побоялся выйти в открытое штормовое море.

Позже именно Роб познакомил меня с этим гением. Я заметила, как Тео, пожимая мне руку, внимательно оглядел меня своими зелеными в рыжую крапинку глазами.

– О, так вы и есть знаменитая Алли Д'Аплиез?

Несмотря на легкий английский акцент, голос звучал уверенно и доброжелательно.

– Да, я действительно Алли Д'Аплиез, – согласилась я с последней частью его высказывания, немного растерявшись от столь неожиданного комплимента. – Но лавры знаменитости принадлежат скорее вам, чем мне.

Последние слова я произнесла, изо всех сил стараясь со-

хранять выдержку и не отводить глаза в сторону под его внимательным изучающим взглядом. Черты его лица моментально разгладились, и Тео издал короткий смешок.

– Что смешного? – требовательно спросила я у него.

– Если честно, я просто не ожидал увидеть *вас*.

– Что значит «не ожидали увидеть *меня*»? – удивилась я.

Но тут Тео отвлек фотограф, который уже приготовился запечатлеть групповой снимок всей команды-победительницы. Так я и не узнала, что именно Тео имел в виду.

После первой встречи последовали и другие. Я постоянно сталкивалась с ним на неизбежных светских вечеринках, которые устраивали на регатах, где мы оба участвовали. Тео мгновенно притягивал к себе какой-то неуловимой живостью натуры, добродушным жизнерадостным смехом, а потому, несмотря на всю свою внешнюю сдержанность, немедленно оказывался в самом центре внимания. На официальных мероприятиях он всегда появлялся в модных летних брюках из твида и изрядно помятом льняном пиджаке – такая своеобразная дань уважения протоколу и спонсорам гонок, но стоптанные парусиновые туфли на толстой каучуковой подошве и непокорные каштановые кудри всегда придавали ему вид человека, только что спрыгнувшего с палубы на сушу.

Эти встречи превращались в ненавязчивый вальс вокруг знакомства. Мы часто встречались взглядами, но Тео не предпринял ни единой попытки продолжить наш прерван-

ный при первой встрече разговор. И лишь полтора месяца тому назад, когда экипаж, в составе которого я выступала, занял первое место на регате вблизи острова Антигуа и мы, как водится, с размахом отмечали это событие, а заодно и завершение регаты в ресторане «Бал в честь лорда Нельсона», Тео неожиданно подошел ко мне сзади и слегка тронул за плечо.

– Хорошая работа, Алли, – коротко обронил он.

– Спасибо, – так же коротко поблагодарила я, внутренне радуясь, что нашей команде удалось одержать верх над его экипажем. Так, скажем, для разнообразия, но все равно ведь приятно.

– Наслышан о ваших успехах в этом сезоне, Алли. Не хотели бы поучаствовать вместе со мной в Кикладской регате в июне?

Я уже получила приглашение от другой команды, но еще раздумывала. Тео мгновенно уловил мою нерешительность.

– Вас уже забронировали?

– В каком-то смысле да.

– Что ж, вот вам моя визитка. Обдумайте мое предложение и, если решитесь, сообщите мне до конца следующей недели. Вы бы мне на борту оченьгодились.

– Спасибо. – Мысленно я уже отмела прочь все свои сомнения. Да и кто бы в здравом уме отказался от такого заманчивого предложения? Выступить под началом капитана с кличкой Король морей и океанов! – Кстати, – окликнула

я его, когда он уже повернулся, чтобы отойти от меня, — почему в прошлый раз вы обронули, что не ожидали увидеть меня?

Он остановился, скользнул по мне внимательным взглядом.

— Видите ли, я с вами до того нигде не сталкивался лично. Слышал о ваших успехах в парусном спорте, да и только. Но вы оказались совсем не такой, как я ожидал. Доброй ночи, Алли.

Возвращаясь к себе в номер в небольшой гостинице, расположенной в бухте острова Сент-Джон, я мысленно еще раз прокрутила в памяти наш разговор с Тео. Вдыхая полной грудью свежий морской воздух, я снова и снова спрашивала себя: что же именно так удивило во мне Тео? Уличные фонари ярким многоцветием отражались на фасадах домов, окутывая их теплым ночным светом. Откуда-то издалека доносился веселый гомон толпы: прибрежные бары и кафе были полны посетителей. Однако все это оставило меня совершенно безучастной. Меня переполняли эмоции совсем иного толка. Во-первых, одержанная победа в гонках, а во-вторых, предложение Тео Фейлис-Кингса.

Едва я переступила порог своей комнаты, как тут же ринулась к ноутбуку, включила интернет и сразу же написала имейл с согласием. Но, прежде чем отправить письмо адресату, приняла душ, потом снова перечитала текст — и даже немного покраснела от того, насколько очевидно, как я рвусь

попасть в команду Тео. Решила пока повременить с отправкой – пусть текст потомится пару дней в черновиках, – и отправилась в постель. Наконец-то расслабив все тело, я чувствовала, как с меня постепенно спадают напряжение и усталость от целого дня изнурительных соревнований.

– Спокойствие, Алли, – прошептала я сама себе и улыбнулась. – Впереди тебя ждет *преинтереснейшая* регата.

Письмо я отправила, как и планировала, через два дня. Тео ответил мгновенно – сказал, что рад видеть меня в команде. А через две недели я, немного нервничая, уже ступала на борт парусной яхты *Hanse 540*, оснащенной по самому высшему разряду. Эта красotka стояла на приколе в бухте острова Наксос. Там мы и начали тренироваться, готовясь к участию в Кикладской регате.

Сами соревнования не имели квалификации сугубо спортивного мероприятия, когда на первое место команду выводят показатели и очки. Да и состав участников регаты тоже был довольно пестрый: от заправских яхтсменов, имеющих серьезную репутацию в мире парусного спорта, до любителей, выходящих под парусом лишь по выходным. Атмосфера царила самая воодушевленная: восемь дней в знаменитой регате, да еще среди самых красивых островов на земле, – мимо такого не пройдешь. Наша команда считалась одной из самых сильных, и с первых же минут было ясно: мы здесь только за победой.

Тео всегда подбирал себе в команду молодых, я бы даже

сказала, совсем новичков. Вот и сейчас, тридцатилетние, мы с Робом Беллани были самыми взрослыми членами экипажа. Старшими, так сказать, и по возрасту, и по опыту участия в парусных регатах. Хотя удивляться нечему – меня предупреждали, что Тео любит растить таланты с нуля, пока их не испортили плохими привычками. В нашей команде трое из шести были совсем юными, всем чуть за двадцать: здоровяк Тим из Австралии, англичанин Ги и Мик (наполовину немец, наполовину грек), который знал Эгейское море как свои пять пальцев.

Хотя мне очень хотелось работать с Тео, я не готова была бросаться в авантюру с закрытыми глазами. Сначала залезла в интернет, поговорила с теми, кто раньше ходил с этим так называемым Королем в команде.

Первое, что мне сказали, – что он англичанин, учился в Оксфорде. Отсюда и его немного странный акцент, где он проглатывает звуки. Но в Сети я нашла другую информацию: что он якобы американец и неоднократно возглавлял студенческую команду Йельского университета, которая под его руководством одерживала уверенные победы на множестве регат. Один приятель сказал, что Тео из богатой семьи. Другой – что он живет прямо на своей яхте.

«Перфекционист». «Перестраховщик, привык все держать под контролем». «Трудоголик». «Женоненавистник». Такие комментарии я получила, причем последнее высказывание принадлежало спортсменке, которая пожаловалась

мне, что ее откровенно третировали в команде Тео и все время держали на вторых ролях. Все это настораживало. Но все сомнения перевешивала одна простая фраза от бывшего члена экипажа:

– Лучший из всех шкиперов, с кем мне приходилось когда-либо выступать. Чертовски талантлив.

Уже в первый день на яхте до меня дошло, почему Тео пользуется таким непререкаемым авторитетом среди членов команды. За свою довольно продолжительную спортивную карьеру я привыкла к горластым капитанам, которые только и делали, что кричали, отдавали команды исключительно на повышенных тонах и устраивали нагоняй по поводу и без. Они мне чем-то напоминали таких капризных шеф-поваров, диктаторски заправляющих на вверенной им кухне. Манера поведения Тео отличалась в корне, и это стало для меня самым настоящим откровением. Он говорил мало, давал четкие задания и молча наблюдал, как мы их выполняем. После тренировок капитан собирал нас на «разбор полетов»: спокойно и по делу разбирал все косяки и успехи. Я сразу заметила, что от его внимательного взгляда не ускользала ни одна мелочь. Его авторитет был абсолютно естественным, и весомость каждого его слова была тем самым «крючком», на котором мы все висели.

– Да, вот еще что, Ги. Давай-ка завязывай с этими тайными перекурами. Ни одной сигареты во время гонок. Понял? – Слегка улыбнувшись, Тео завершил очередное совещание и

распустил нас по домам.

Ги, покрывшись краской стыда до самых корней своих белокурых волос, пробормотал вполголоса, когда мы уже спустились на берег:

– У него явно глаза на затылке.

На берегу мы сразу же направились в душевые, после чего нас ожидал совместный ужин. Всей гурьбой мы вывалились на набережную Наксоса. Воздух как будто напитался моим счастьем и пах солью, жареными кальмарами и анисом. Старинный каменный замок горделиво возвышался над поселком, раскинувшимся внизу. Обилие домиков, все выкрашены в белый цвет, а между ними – петляющие улочки и переулки, сбегające прямо к воде. Все рестораны на набережной были забиты яхтсменами и туристами, с удовольствием уплетающими свежие морепродукты и запивающими деликатесные блюда изрядными порциями знаменитой греческой водки узо. Мы нашли какую-то семейную таверну в переулке, где стулья поскрипывали, а посуда не подходила друг к другу. Но пахло там божественно. Именно то, что нам и требовалось после долгого дня тренировок. У всех нас от стольких часов, проведенных на воде, проснулся просто зверский аппетит.

Я ела, не обращая внимания ни на что. Уплетая за обе щеки вкуснейшую мусаку, я подложила себе еще одну щедрую порцию риса и глянула на парней.

– Что-то подсказать? – Я иронично вскинула бровь. – Ни-

когда не видели, как женщина ест? – Слегка подавшись вперед, я ухватила очередной кусок свежего хлеба.

Тео не включился в наш шутливый разговор, лишь рассеянно скользнул по мне взглядом. Сразу же после ужина он ретировался к себе, вежливо отклонив приглашение провести остаток вечера за барными стойками всех окрестных заведений по очереди. Вскоре за ним последовала и я. За долгие годы занятия профессиональным спортом я уже успела усвоить, что не стоит смотреть на то, как расслабляются наши мальчишки с наступлением ночи, это не самое лучшее зрелище. Во всяком случае, для меня.

В последующие дни команда сплотилась еще сильнее. Довольно быстро под пристальным взглядом строгих зеленых глаз Тео превратилась в весьма работоспособный коллектив, в котором все отлажено до последнего винтика. Мое восхищение тем, как он вел экипаж, только росло.

На третий вечер на Наксосу, после очередного изнурительного дня на воде под палящим солнцем, повисшим над Эгейским морем, я чувствовала себя полностью разбитой. За ужином я встала из-за стола первой.

– Все, ребята. Отчаливаю к себе.

– Пожалуй, я тоже, – поспешно поднялся со своего места Тео. – Хорошего вам вечера, парни. Но чтобы завтра были на тренировке без опозданий, ладно?

Капитан догнал меня уже на улице.

– Можно присоединиться?

– Конечно. Что за вопрос! – ответила я и тут же почувствовала некое внутреннее напряжение. Впервые мы с ним остались наедине.

Мы медленно брели по мощенным булыжником улочкам, возвращаясь к себе в пансион. Ярко светила луна, озаряя своим матовым светом крохотные белоснежные домики с выкрашенными в голубой цвет дверями и такими же голубыми ставнями на окнах. Я изо всех сил старалась поддерживать разговор. Но на все мои усилия Тео реагировал лишь короткими репликами «да» или «нет». В конце концов подобная неразговорчивость стала действовать мне на нервы.

Но уже в вестибюле Тео внезапно развернулся ко мне лицом.

– А вы – прирожденный моряк, Ал. Заткнете за пояс любого члена нашей команды. Кто вас научил?

– Отец, – ответила я, несколько ошарашенная столь неожиданным комплиментом. – Он начал учить меня ходить под парусом еще в детстве, брал с собой на яхту, и мы бороздили воды Женевского озера.

– Ах, так вы из Женевы. Вот откуда у вас этот французский акцент.

Я уже приготовилась услышать традиционное «скажи что-нибудь по-французски, это так сексуально», которое выдают мужчины в таких случаях, но ничего подобного не прозвучало.

– Похоже, ваш отец – прирожденный моряк. И вырастил

из вас прекрасную яхтсменку.

– Спасибо, – поблагодарила я, тронутая щедрым комплиментом.

– А как вы себя чувствуете у нас? Не давит осознание, что вы единственная женщина в команде? Хотя, полагаю, вы привыкли к такому положению, – добавил он, словно пытаюсь сгладить прямолинейность своего вопроса.

– Честно говоря, я об этом не задумываюсь.

– Неужели? – Он внимательно посмотрел на меня сквозь стекла очков в массивной оправе. – Позвольте усомниться. Я уверен, что вы задумываетесь о роли женщины в нашем деле. И именно тогда, когда вы начинаете анализировать, кто вы и где находитесь, пытаетесь компенсировать это несоответствие, вы совершаете главные ошибки. Советую расслабиться и оставаться собой. Доброй ночи.

Он коротко улыбнулся на прощание и быстрым шагом направился по выложенной белой плиткой лестнице к себе в номер.

Ночью, лежа в своей узкой кровати под туго накрахмаленными простынями, которые больно покалывали при малейшем соприкосновении с телом, я чувствовала, как пылает от стыда мое лицо. Критика, высказанная Тео в мой адрес, показалась мне просто убийственной. Разве это *моя вина*, размышляла я, кипя от негодования, что женщины в парусном спорте до сих пор большая редкость, что-то вроде единорога? Но кто такой этот Тео Фейлис-Кингс, чтобы рассуждать?

Нашелся доморощенный психоаналитик. Шляется по свету и разбирает по косточкам тех, кто в его анализах вовсе не нуждается.

Мне всегда казалось, что я держу под контролем ситуацию «женщина в мужском коллективе». Я достойно воспринимала шуточки и подколки в свой адрес. Пусть себе треплются на здоровье. Я уже давно выстроила непроницаемую, глухую стену между *Ал* в мире спорта и *Алли* дома, в кругу родных и близких. В сущности, эти две женщины не имели ничего общего между собой. Да, было нелегко, но я научилась помалкивать – держать язык за зубами, особенно когда слышала откровенно сексистские комментарии или намеренные колкости насчет моей внешности. «Блондинка, что с нее взять?» Чтобы таких высказываний было меньше, я кое-что предпринимала. Стягивала золотисто-рыжие кудри в тугой хвост, не оставляла прядей на лбу, не пользовалась косметикой – ни подводки для глаз, ни тонального крема, чтобы скрыть веснушки. Работала я всегда наравне с мужчинами в экипаже. Возможно, даже вкалывала больше их – так мне иногда казалось в глубине души.

Проведя почти всю ночь без сна – настолько меня раздрадовал разговор с Тео, – под самое утро я неожиданно вспомнила слова отца: «Люди обычно раздражаются в ответ на критику, высказанную в их адрес, только потому, что в этой критике содержится большая доля правды». Обдумав еще раз слова Тео, я вынуждена была согласиться, что он

прав. Я действительно не была собой.

На следующий вечер мы с Тео снова возвращались после ужина в пансион в одиночестве. Несмотря на то что внешне наш капитан казался довольно щедрым, я, чувствуя его присутствие рядом, как будто мгновенно словно уменьшалась в размерах. Даже стала запинаться, с трудом подбирая нужные слова. Он слушал меня внимательно, не перебивая. Когда я все же закончила свой сбивчивый монолог, Тео спокойно ответил:

– Мой отец – хоть я не особо высоко ценю его мнение – однажды сказал мне кое-что довольно любопытное. Не помню точной фразы, но мысль такая: женщины могли бы легко править миром, если бы пустили в ход все свои силы, а главное – перестали стараться стать мужчинами. Возможно, именно это вам и нужно: перестать стараться быть мужчиной.

– Ну да, конечно! Он работал хоть раз исключительно в женском коллективе? Хотела бы я посмотреть, смог бы он остаться самым собой. – Покровительственный тон Тео меня прямо-таки бесил.

– Замечание в точку, – согласился он со мной. – Что ж, быть может, вам хоть чуть-чуть станет легче, если я буду звать вас Алли? Это имя вам подходит больше, чем просто Ал. Не возражаете?

Я не успела ответить, потому что он резко остановился и застыл как вкопанный на живописной набережной бухты.

Рыбачьи лодки лениво покачивались на воде, затерявшись среди больших яхт и круизных судов. На море царил полнейший штиль. Лишь волны прибоя неспешно ударялись о борта пришвартованных лодок. Этот звук почему-то действовал успокаивающе. Я увидела, как Тео задрал голову к небу и втянул в себя порцию ночного воздуха с такой силой, что даже ноздри раздулись. Так бывалые моряки определяют, какую погоду принесет утро. Никогда не видела, чтобы так вел себя кто-то моего возраста, напоминает дедушек-рыбаков на берегу Женевы. Эта мысль заставила меня захихикать.

Он повернулся ко мне и растерянно улыбнулся.

– Что смешного?

– Да так, ничего особенного. Можете называть меня Алли, если вам так больше нравится.

– Благодарю. Что ж, пора домой. Надо хоть немного поспать. Завтра у всех нас будет очень напряженный день.

И вот вторую ночь я долго мучилась без сна, мысленно прокручивая в голове свой разговор с Тео. Это непохоже на меня: я – тот самый человек, который засыпает мертвецким сном, стоит лишь коснуться головой подушки. Особенно после изматывающих тренировок или парусных гонок.

А совет Тео тем временем принес плоды, прямо противоположные тем, на которые он был рассчитан. Я без конца совершала глупейшие ошибки, одну хуже другой, и чувствовала себя подмастерьем, случайно затесавшимся в компанию профессионалов. Мой внутренний голос ругал меня самыми

последними словами, а остальные члены экипажа беззлобно подтрунивали над моими промахами. Но Тео... Тео не сделал мне ни единого замечания.

На пятый вечер я, абсолютно убитая тем, как ужасно выступаю, что, в общем-то, было совершенно нетипично для спортсмена моего уровня, даже не пошла на наш традиционный совместный ужин. Устроилась на небольшой террасе рядом с пансионом и стала уплетать то, чем меня угостила доброжелательная хозяйка: хлеб, сыр фета и оливки, попутно заливая свое горе домашним красным вином. Хозяйка щедрой рукой наполняла мой бокал, и после нескольких таких радушных угощений я окончательно расклеилась. Мне стало нестерпимо жалко себя. Слегка пошатываясь, я поднялась из-за стола, чтобы направиться прямиком к себе в номер, но в эту минуту на террасе возник Тео.

– С вами все в порядке? – спросил он и даже слегка спустил очки на нос, видно, чтобы получше разглядеть меня.

Я тоже прищурилась в ответ, старательно фиксируя его образ, но очертания его фигуры расплывались. Изображение было нечетким и двоилось в глазах.

– Да, со мной все в полном порядке, – хрипло ответила я и поспешно плюхнулась на стул, чувствуя, как все поплыло перед глазами.

– Ребята расстроились из-за того, что вы не присоединились к нам за ужином. Надеюсь, вы не заболели?

– Нет, со мной все в порядке. – Внезапно я почувствовала,

как горло мое наполняется желчью. — Все в полном порядке.

— Знаете, если вам нездоровится, то скажите мне об этом прямо. Никаких штрафов за болезни у меня не предусмотрено. Можно мне присесть?

Я не ответила. Потому что в этот момент отчаянно боролась с желудком за право оставить себе ужин. Тео уселся на пластиковый стул напротив меня.

— Тогда что с вами происходит?

— Ничего, — с трудом выдавила я из себя.

— Алли, выглядите вы ужасно, честно скажу. С вами правда все в порядке?

— Я... прошу прощения...

Я с трудом поднялась со своего места и, пошатываясь, кое-как добрела до края террасы. И меня тут же стошнило на асфальт внизу.

— О боже... — Я почувствовала, как две сильных руки крепко обняли меня за талию. — Вам действительно сильно нездоровится. Позвольте, я помогу вам подняться в комнату. Какой у вас номер?

— Я... Мне хорошо... просто отлично, — пробормотала я с глуповатым выражением лица. На самом деле я была в полнейшем шоке от того, что так опозорилась именно у него на глазах. У самого Тео Фейлис-Кингса, человека, на которого я по каким-то неизвестным причинам отчаянно пыталась произвести должное впечатление. Такие дурацкие ситуации бывают только в кино.

– Пошли! – Он положил мою вялую руку себе на плечо и потащил, почти поволок, мимо других обитателей пансионата, собравшихся на террасе. Все они смотрели на меня с явным осуждением.

Оказавшись у себя в комнате, я тут же почувствовала очередной приступ тошноты. К счастью, на сей раз я успела добежать до туалета. Приступы повторились еще несколько раз. Но, выходя из туалета, я видела, что Тео терпеливо ждет и готов помочь мне лечь в постель.

– Честное слово, к утру я буду в норме... Обещаю, – простонала я.

– За последние два часа, что вас рвало не переставая, вы повторяли это уже несколько раз, – прагматично заметил Тео и бережно промокнул пот с моего лба полотенцем, смоченным в холодной воде.

– Можете меня оставить, Тео, – пробормотала я срывающимся голосом. – Честное слово, мне уже полегчало. А сейчас мне надо просто поспать.

– Через какое-то время я обязательно уйду к себе, – пообещал Тео.

– И спасибо, что помогли мне, – прошептала я, чувствуя, как мои глаза закрываются сами собой.

– Не стоит благодарностей, Алли.

Уже засыпая, уже погружаясь в сладостную полудрему, я вдруг улыбнулась и услышала собственный голос:

– По-моему, я люблю вас.

И моментально отключилась.

Проснувшись на следующее утро, я почувствовала себя гораздо лучше, хотя меня все еще водило из стороны в сторону. Я сползла с кровати и чуть не споткнулась о Тео, который крепко спал, примостившись прямо на полу, подложив под голову вторую подушку. Закрыв за собой дверь в ванную комнату, я безвольно опустилась на край ванны и вдруг вспомнила свои слова. Черт! Неужели я *это действительно сказала?*

«По-моему, я люблю вас».

О чем я только думала? А может, я ничего такого не говорила и все это мне только приснилось? В конце концов, вчера мне было откровенно плохо. Вполне возможно, это лишь плод моей воспаленной фантазии. *«Пожалуйста, пусть это будет галлюцинацией!»* – простонала я мысленно, обхватив голову руками. Да, но если я ничего не говорила, тогда почему так живо помню эти слова? Они буквально врезались мне в память. Очевидно, я ничего такого не имела в виду... Проблема в том, что это очевидно мне, а не Тео. Вот это я влипла.

Я робко высунулась из ванной комнаты и увидела, что Тео уже собрался уходить. Стараясь не встречаться с ним взглядом, я молча выслушала, что он идет сейчас к себе, хочет принять душ, а минут через десять заскочит за мной и поведет на завтрак.

– Мне сегодня лучше обойтись без завтрака. Не хочу рис-

ковать.

– Алли, вам обязательно нужно поесть. Хотя немного. Вы же не хуже меня знаете, что, если после приема пищи у вас снова возобновится рвота, нам придется временно списать вас на сушу. Пока вы окончательно не придете в норму. Увы, но правила есть правила.

– Ладно! Будь по-вашему, – протянула я самым несчастным голосом.

Стоило Тео скрыться за дверью, как у меня мелькнула мысль, что я отдала бы сейчас все на свете за то, чтобы превратиться в человека-невидимку. Еще никогда мне так страстно не хотелось бросить все и бежать прочь куда глаза глядят.

Но вопреки моим желаниям через пятнадцать минут мы с Тео уже были на террасе. Ребята уже сидели за столом и, стоило нам войти, понимающе переглянулись с такими самодовольными ухмылками на физиономиях. Меня переполнило жгучее желание отвесить им пару хорошеньких подзатыльников. Каждому.

– У Алли проблемы с желудком, – объявил Тео, садясь за стол. – Хотя, судя по всему, не только у нее сегодня была бессонная ночь, да, Роб?

За столом послышались беззлобные смешки, Роб смущенно опустил голову, а Тео спокойно начал традиционный инструктаж.

Я была благодарна Тео за то, что он прекратил шуточки

команды и перешел к делу, но я отлично представляла, какие мысли витают сейчас в их головах. Но главное даже не то, что они думают, а то, насколько они далеки от истины. Иронично. У меня давно есть правило: никогда не спать с членами своего экипажа. И я этого правила очень успешно придерживалась – слишком хорошо я знаю, как быстро расходятся слухи в замкнутом мире парусного спорта. И вот мы здесь. В эпицентре рождения эротического анекдота с моим участием.

Хорошо хоть, мне удалось удержать завтрак в желудке и Тео допустил меня до тренировки. С этого момента я велела себя так, чтобы всем на борту яхты, особенно ему, стало предельно понятно, что мне нет дела до Тео Фейлис-Кингса. На тренировках я выжимала из себя все, лишь бы держаться от него подальше. Правда, на тесном суденышке соблюдать дистанцию было не так-то просто, но я старалась изо всех сил. Если он что-то спрашивал у меня, я отвечала односложно: «да», «нет». А вечером, после ужина, оставалась в баре с остальными, стискивая челюсти, в то время как Тео бесшумно поднимался и растворялся в коридоре, ведущем в пансионат.

Я его не люблю. И не хочу, чтобы кто-то подумал иначе. Но чем упорнее я вдавливалась это в окружающих, тем громче внутри звучал тихий, настырный голосок сомнения. Мои глаза не могли оторваться от Тео, всегда – когда я была уверена, что он не видит. Мне нравилось, как он работает с ко-

мандой: его спокойствие было не пассивным, а плотным, как смола, а слова о наших удачах или провалах всегда доходили до самой сути. Такое лидерство спланивало нас, заставляя отдавать делу все до последней капли. И, несмотря на его изящную, можно сказать, даже хрупкую комплекцию, мой глаз отмечал силу. Мускулы играли под тонкой тканью рубашки при каждом движении. Я видела это не раз – в шторм, на сложной спасательной тренировке, при переносе тяжелого груза. Из всех нас Тео был самым крепким и *готовым к морю*. Несомненно.

Всякий раз, когда мои мысли предательски заводили меня именно в *эту сторону*, я тут же одергивала себя, что было непросто: в последнее время Тео часто разгуливал по яхте без рубашки. Конечно, днем жара стояла невыносимая, но так ли уж необходимо изучать маршрут гонки полуголым?..

– Тебе что-то нужно, Алли? – поинтересовался он у меня однажды, резко отвернувшись от бумаг и перехватив мой взгляд.

Не помню, что я там промямлила в ответ, но тут же отвернулась от него, покраснев до самых корней волос.

К счастью, Тео ни разу не обмолвился о той бессвязной чепухе, что я плела ему в бреду. Постепенно я почти убедила себя: ничего не было. Наверняка это был просто сон. Однако вопреки самовнушению внутри все сдвинулось с места. Со мной творилось что-то чужое, незнакомое – что-то случавшееся впервые. Впервые я не могла совладать с непослуш-

ным вихрем внутри. У меня пропал сон, а здоровый аппетит улетучился, оставив во рту легкий металлический привкус тревоги. Если я и проваливалась в полудрему на час, мне тут же снился он. Сны были настолько яркими, дышащими, настолько раскованно-смелыми, что, просыпаясь, я чувствовала, как жар стыда медленно растекается по коже, от висков до ключиц. Мои редкие слова в его адрес стали еще более неловкими, а движения – скованными. Подростком я прочитала парочку популярных любовных романов, но очень быстро заменила их душераздирающими кровавыми триллерами. Теперь же, прислушиваясь к себе, я с горькой ясностью узнавала все описанные там симптомы. Не знаю, как и почему, но факт оставался неумолимым: я втюрилась в Тео Фейлис-Кингса по самые уши.

В последний вечер сборов Тео, закончив ужин, поднялся из-за стола и произнес короткую речь. Поблагодарил за впечатляющую, по его словам, работу. Сказал, что у нас есть все шансы на победу в предстоящей регате и он на это очень рассчитывает. Поднял бокал. Я уже собралась незаметно исчезнуть, но в этот момент его взгляд, теплый и прямой, нашел меня в полумраке бара.

– Алли, я бы хотел кое-что обсудить с вами. Как вы знаете, согласно правилам проведения соревнований, в команде должен быть человек, отвечающий за оказание первой медицинской помощи в случае экстренной необходимости. Честно говоря, пустая формальность. Обычная бюрократия,

необходимо подписать несколько бланков, только и всего. Вы не возражаете?

Он жестом указал на файл с бумагами и кивнул в сторону свободного столика.

– Но я и понятия не имею, как оказывать эту самую первую помощь, – совершенно искренне возмутилась я, садясь за указанный столик на некотором расстоянии от всех остальных ребят. – Вы решили меня назначить, потому что я женщина, да? То есть как бы изначально готова нянчиться с другими, и у меня это будет получаться лучше, чем у мужчин. Так вот, ничего подобного! Я не умею нянчиться. Предложите эту роль Тиму или кому-то еще.

– Алли, прошу тебя, помолчи, пожалуйста. Мне нужно было как-то увести тебя от ребят. Видишь? – Тео придвинул ко мне поближе два абсолютно чистых листа бумаги, которые он извлек из файла. После чего протянул авторучку. – Давай сделаем вид, что мы делаем то, что я сказал, а беседу о том, кто с кем будет нянчиться, оставим на потом. У нас есть более интересные темы для обсуждения. В ту ночь, когда ты заболела, ты сказала, что любишь меня. Так вот, твои чувства взаимны.

Тео замолчал, я ошарашенно уставилась на него. Это какой-то розыгрыш? Но он сделал вид, что всецело занят изучением бланков. После короткой паузы он продолжил:

– Предлагаю найти способ проверить чувства. Завтра я собираюсь устроить себе короткую передышку и отплыть ку-

да-нибудь подальше на все выходные. Присоединишься? – Он снова замолчал и глянул мне прямо в глаза. – Это свидание.

Я открыла рот и тут же снова закрыла его. Наверное, в эту минуту я была сильно похожа на золотую рыбку, вытащенную из воды и жадно хватающую ртом воздух. И потом, я просто не знала, что ему ответить.

– Ради всего святого, Алли, прошу тебя, скажи «да». Но не забывай, мы с тобой сейчас в одной лодке – уж прости мне каламбур. И мы оба точно знаем, что между нами все же проскочила какая-то искра. Еще тогда, год назад, при нашей первой встрече. Я ведь и до того был много наслышан о тебе и о твоих успехах, а потому, честно говоря, ожидал увидеть мужеподобную амазонку с перекачанными мускулами. И вдруг появляешься ты: огромные синие глаза, шикарные золотисто-медные волосы, словно ты только что сошла с полотна Тициана. Ты меня тогда полностью покорила. Можно сказать, переиграла и уничтожила.

– Да? – воскликнула я, растерявшись настолько, что все слова попросту вылетели у меня из головы.

– Итак, – Тео слегка откашлялся, и я вдруг поняла, что он тоже нервничает, – давай совершим небольшой совместный круиз. Проведем какое-то время в нашей любимой стихии – на воде, а заодно и посмотрим, сможем ли мы стать командой в другом смысле. Если ты сочтешь, что нет, то все равно тебе понравится попутешествовать на моей яхте. Она очень

комфортабельная. К тому же быстроходная.

– На борту... кто-нибудь еще будет? – спросила я, обретя наконец голос.

– Нет.

– То есть ты будешь капитаном, а я – твоей командой?

– Именно так. Но обещаю, я не заставлю тебя карабкаться на такелаж или торчать всю ночь в «вороньем гнезде» на верхушке мачты, чтобы вести наблюдения за акваторией. – Тео доброжелательно улыбнулся, и взгляд его зеленых глаз, обращенный на меня, тоже был теплым и доброжелательным. – Алли, ты только скажи, что согласна.

– Ладно! – кивнула я в ответ.

– Вот и отлично! – обрадовался Тео. – А теперь для проформы поставь свою подпись здесь... и вот здесь... Это означает, что ты не имеешь вопросов и претензий. – Его палец уперся в нижний угол чистого листа бумаги.

Быстрый взгляд на Тео показал, что капитан по-прежнему улыбается, глядя на меня. Моя улыбка на заставила себя долго ждать. А потом я поставила свою подпись там, где было указано, и придвинула «бланк» ближе к капитану. Некоторое время Тео изучал его с самым серьезным выражением лица, а затем аккуратно вложил в файл.

– Вот и все дела! – проговорил он достаточно громко, чтобы нас смогли расслышать другие члены команды, которых так и распирало от любопытства. Ребята аж покраснели – так напрягались, чтобы услышать, о чем это мы там беседуем. –

После обеда прогуляемся до пристани, и я коротко введу вас в круг ваших новых обязанностей.

Тео снова перешел на официальный тон, но заговорщицки подмигнул мне, когда мы с ним поднялись из-за стола, чтобы присоединиться к остальным. Я старалась двигаться неспешно, но внутри меня все бурлило от радостного возбуждения.

В тот момент, когда мы отошли от острова Наксос и вышли в открытое море на элегантном, мощном «Нептуне», ни я, ни Тео не были до конца уверены, чем конкретно может закончиться наше совместное приключение. Яхта была всего футов на двадцать длиннее, чем та, на которой мы тренировались, готовясь к регате, но я уже настолько привыкла к тесноте, что теперь, когда мы с Тео были на палубе вдвоем, она казалась мне гигантской. Каюта капитана поражала своим роскошным интерьером: полированные панели из тикового дерева и все в том же духе. Однако широкая двуспальная кровать меня немного отрезвила: моя улыбка стала кривоватой, когда я вспомнила, при каких обстоятельствах мы с Тео недавно провели нашу первую совместную ночь в одной комнате.

– Я купил эту красотку пару лет назад, можно сказать, за гроши. Прежний владелец разорился и был вынужден продать ее, чтобы рассчитаться с долгами, – сообщил Тео между делом, выводя судно из бухты Наксоса. – И с тех пор у меня появилась постоянная крыша над головой.

– Ты все время живешь на яхте? – удивилась я.

– Иногда, когда выпадают длинные выходные, гощу у мамы в ее лондонском доме, но последний год живу здесь безвылазно. Парусные гонки идут одна за другой, так что сво-

бодного времени практически не остается. Хотя, если честно, я уже созрел обзавестись собственным домом и на суше. Более того, я даже купил себе кое-что. Но там еще много работы, чтобы привести дом в надлежащий вид. Бог его знает, когда мне удастся выкроить время для всех этих реноваций.

Я с детства привыкла к отцовской яхте, мощному суперлайнеру, способному бороздить не только моря, но и океаны. Папин «Титан» оснащен самыми современными навигационными средствами, к тому же полностью компьютеризированными. Так что некоторое представление о том, как управлять – «рулить», по выражению Тео, – таким судном, я имела. Поначалу я держалась довольно скованно, боясь выйти за рамки официальных отношений. Если Тео обращался ко мне с просьбой сделать то-то и то-то, я с трудом сдерживалась, чтобы не гаркнуть в ответ: «Есть, капитан!»

Неловкость висела между нами плотным, почти осязаемым полотном – ни Тео, ни я не знали, как перешагнуть через протокол, как перейти от формальных реплик к обычному, человеческому разговору. Слова не клеились, цепляясь друг за друга. Я тщательно выверяла каждую фразу, ощущая, как язык становится чужим и неповоротливым. Тео тоже в основном молчал, и эта тишина была громче любого диалога. К тому моменту, когда мы бросили якорь для ланча, я уже была уверена: ничего путного из этой затеи не выйдет. Начало нашего совместного плавания казалось мне полным, оглушительным провалом.

С благодарностью, почти с облегчением, я отметила его попытку разрядить атмосферу – бутылка охлажденного розового «Провансаля» на столе рядом с салатом. Я никогда не увлекалась алкоголем, особенно на воде, но каким-то образом мы осушили ее до дна. Чтобы вытянуть его из затяжного молчания, я завела разговор о парусном спорте. Мы обсуждали стратегию предстоящей Кикладской регаты, потом немного поговорили о Пекине – о том, каково это – выступать по олимпийским правилам, которые так отличались от наших. Я рассказала, что в конце лета меня ждут квалификационные испытания, которые решат все: буду ли я представлять Швейцарию или останусь на берегу. Тео, в свою очередь, сказал, что будет выступать за сборную Америки.

– Так ты американец? Но акцент у тебя явно британский.

– Отец у меня американец, а мама – англичанка, – пояснил он. – Вначале я учился в закрытой школе в Хэмпшире, потом поступил в Оксфорд. Через какое-то время перебрался в Йельский университет. Словом, я зубрила.

– А что ты изучал?

– Классическую литературу в Оксфорде, а в Йельском университете практиковался в области психологии. Мне повезло, потому что меня почти сразу же зачислили в университетскую сборную по парусному спорту, а через какое-то время я стал капитаном команды. Вот так я прожил юность, преимущественно в своей башне из слоновой кости. А чем занималась ты?

– Я окончила консерваторию в Женеве по классу флейты. Ну а твоя башня... – Я улыбнулась, глянув на Тео. – Это многое объясняет.

– Что «это»? – недоуменно переспросил Тео.

– Ты хорошо разбираешься в людях, всегда очень точно анализируешь их поступки. Думаю, пятьдесят процентов твоих успехов как капитана заключается именно в том, что ты умеешь ладить с членами своей команды. Вот, к примеру, и ко мне нашел свой подход. Особый подход, я бы сказала. – Вино уже ударило в голову, и я неожиданно расхрабрилась: – Твои замечания очень помогли мне, правда. Хотя, сознаюсь, порой было неприятно их слушать.

– Спасибо. – Он смущенно кивнул. – В Йельском университете мне предоставили полную свободу, я мог рулить командой по собственному усмотрению. Вот я и постарался совместить свою любовь к парусному спорту со знанием психологии. Словом, выработал свой индивидуальный управленческий стиль, который принципиально отличается от иных стандартных методов руководства. Но мой метод работает.

– А твои родители поддерживают твоё увлечение парусным спортом?

– Мама – да. А отец... Дело в том, что они расстались, когда мне было одиннадцать. Пару лет спустя завершился весьма болезненный развод. После этого отец вернулся к себе в Штаты. Когда я учился в школе, то гостил у него на ка-

никулах. Но он всегда был всецело занят работой, много колесил по миру, а присматривать за мной нанимал всяких нянек и гувернанток. Во время учебы в Йельском университете он пару раз присутствовал на соревнованиях, где я выступал. Но, если честно, я плохо знаю своего отца. А с учетом непростых отношений, которые у него сложились с мамой... Думаю, мамина неприязнь к нему наложила свой отпечаток и на мое восприятие. Знаешь, а я бы с удовольствием послушал твою игру на флейте, – резко поменял он тему нашего разговора и глянул на меня в упор своими зелеными глазами. Зеленое на голубом... Пожалуй, неплохо смотрится. Но уже в следующую секунду Тео отвел взгляд в сторону и, слегка пошевелившись на стуле, уставился на море.

Немного раздосадованная, что так и не разговорила его, я тоже замолчала. Мы снесли грязные тарелки на камбуз, после чего я спрыгнула за борт и поплыла рядом с яхтой. Работала руками и ногами, пытаюсь протрезветь и выбросить из головы всю эту пьяную дурь.

– Может, прежде чем двинуться в путь, поднимемся на верхнюю палубу и немного позагораем? – предложил мне Тео, когда я снова вскарабкалась на борт.

– Не возражаю, – согласилась я, хотя и знала, что для моей белой веснушчатой кожи солнца и так хватило в избытке. Обычно во время выступлений на воде я всегда натягиваю на себя плотный солнцезащитный костюм. Он отлично охраняет мою чересчур нежную кожу от загара, но вот вид у этого

костюма – увы-увы! – не самый привлекательный. Короче, никакой сексапильности. Этим утром из защиты я намеренно нацепила на себя кепку, но неожиданно для себя подумала, что, пожалуй, немного загара мне не повредит.

Тео достал две бутылки с водой из переносной сумки-холодильника, и мы отправились на верхнюю палубу, комфортно устроившись на носу. Мы улеглись на роскошные лежаки, совсем рядом друг с другом. Я украдкой взглянула на Тео. Впервые он лежал так близко. Сердце глухо и настойчиво забилось сильнее при виде его полуобнаженного тела. Мелькнула мысль: если он сейчас не отодвинется, я, кажется, не сдержусь и, забыв обо всем, брошусь ему на грудь. Чтобы отогнать эти навязчивые мысли, я резко отвернулась.

– Алли, расскажи мне о своих сестрах и о вашем доме на Женевском озере. Мне лично рисуется такая идиллическая картина...

– Ты прав... Полнейшая идиллия... Я...

Мой мозг, затуманенный вином и этим странным новым желанием, отказывался напрягаться для рассказов о семье. Да и наша семейная история – такой запутанный клубок, что не знаешь, за какую нитку потянуть сначала.

– Знаешь, что-то меня немного разморило на солнце, – сказала я, переворачиваясь на живот. – Пожалуй, вздремну немного. Можно я расскажу тебе о нашей семье немного попозже?

– Конечно, Алли.

Я почувствовала, как его пальцы легко коснулись моей спины.

– Что такое? – Я резко перевернулась на спину и взглянула на него. В горле мгновенно пересохло от радостного, острого предчувствия. Вот сейчас.

– Мне кажется, у тебя уже сгорели плечи.

– Правда? Вот спасибо за информацию! – рубанула я почти грубо. – Тогда спущусь вниз и посижу в тени.

– Составить компанию?

Я не ответила, лишь пожала плечами, поднялась с лежака и побрела через узкую носовую часть к корме. Внезапно он схватил меня за руку.

– Алли, что с тобой?

– Ничего. А что?

– Ты... вся как натянутая струна.

– Ха-ха-ха! И ты не лучше! – парировала я.

– Ты так считаешь? – Он искренне удивился.

– Да, – отрезала я.

Тео молча поплелся за мной по трапу вниз. Я плюхнулась на скамейку в тени.

– Прости, Алли, – тяжело вздохнул он. – Но у меня всегда плохо получалось по этой части.

– По какой такой части?

– Ну, ты понимаешь... Все эти ухаживания, прелюдии. Просто знай: ты мне нравишься. Я уважаю тебя. И не хочу, чтобы ты чувствовала себя так, будто я пригласил тебя сюда

только затем, чтобы при первой же возможности завалить в койку. Наверное, думаешь, что у меня в голове одна мысль – как переспать с тобой. Тем более ты так остро реагируешь на любой сексизм. Женщина в мужском коллективе... И потом...

– Расслабься, Тео, не думаю я о тебе так.

– Правда, Алли? Честное слово? – недоверчиво протянул он. Его глаза расширились от удивления. – Откровенно говоря, мы, современные мужчины, ужасно боимся попасть в неловкую ситуацию, когда на нас сразу могут повесить обвинение в домогательствах. Иногда для этого хватит и всего одного заинтересованного взгляда в сторону женщины. Со мной, кстати, однажды приключилась похожая история. И что интересно – та девушка была в моей же команде.

– Неужели? – делано удивилась я.

– Короче, вот такая нелепая история вышла. Я ей сказал примерно: «Привет, Джо! Классно, что ты с нами. Ты точно порадуешь парней своим профессионализмом. Все будет как в кино». И все! С этой секунды я был обречен.

Я уставилась на него в немом изумлении.

– ЧТО? Что ты сказал ей?

– Ради бога, Алли! Я даже не подразумевал ничего такого. Эта девушка была первоклассной яхтсменкой, и я всего лишь хотел сказать, что рядом с ней ребята будут стараться на все сто. Вот и все. Но она, по каким-то своим соображениям, восприняла мои слова совершенно иначе.

– Как же так вышло? – ядовито поинтересовалась я.

– Честное слово, не знаю.

– Тео, прости за жесткие слова. Но, честно, я прекрасно понимаю ту девушку. И для меня не секрет, почему она страшно обиделась на тебя. Ты даже не представляешь, какие «комплименты» порой слышим мы, женщины, во время регат. Неудивительно, что твои слова задела ее.

– Понятно. Но, как бы то ни было, взяв тебя в свою команду, я поначалу тоже сильно опасался. Тем более ты такая красивая.

– А то, что ты говорил мне раньше, помнишь? – накинулась я на него. – Критиковал, что я во всем пытаюсь копировать мужчин, советовал оставаться женщиной...

– Ой, все! – Тео весело ухмыльнулся. – Но сейчас все иначе. Мы с тобой вдвоем... одни на моей яхте... А я твой партнер по команде. И ты можешь подумать...

– Тео! Да перестань ты уже! – я не сдержалась. – По-моему, это у тебя с ожиданиями проблемы, а не у меня. Не так ли? И потом, вспомни – это ты меня позвал на яхту, а я просто согласилась.

– Верно, Алли. Все так. Но, если честно, вся эта история... – Тео смущенно замолчал, а затем посмотрел на меня прямо. – Алли, ты для меня слишком много значишь. Извини, если я веду себя как полный идиот... Я просто уже забыл, когда последний раз ухаживал за женщиной. И теперь дико боюсь сделать что-нибудь не то.

Сердце мое тут же растаяло.

– А что, если попробовать перестать анализировать все вокруг себя и немного расслабиться, а? Тогда, быть может, и я тоже расслаблюсь. И запомни: я сама *захотела* оказаться здесь.

– Ладно, буду стараться.

– Что ж, отлично! А теперь, – я окинула взглядом свои обгоревшие предплечья, – раз уж я все больше напоминаю переспелый помидор, пожалуй, спущусь вниз, подальше от этого солнца. Отдохну немного. Можешь присоединиться, если хочешь. – Я поднялась со скамейки и направилась к трапу. – Обещаю, обвинений в домогательствах не будет. Больше того, – добавила я, внутренне улыбаясь своей смелости, – я даже отнесусь к ним, если что, очень позитивно.

Я спустилась в каюту, легкая усмешка играла на губах от собственной дерзости. Интересно, что подумает Тео? Устроившись на кровати, я вдруг ощутила себя невероятно могущественной. Пусть он и главный на работе, но в наших с ним отношениях, если они все-таки начнутся, равенство будет обязательным условием. Точка.

Минут через пять в дверях робко показался Тео и с порога принялся оправдываться за свое «дурацкое» поведение. В конце концов мое терпение лопнуло. Я велела ему помолчать и лежать.

И стоило нам оказаться вместе, как все сразу встало на свои места. Мало того, за следующие дни мы оба поняли: нас

тянет друг к другу не только физически. Случилось редкое единство, когда совпали и тела, и сердца, и души. Мы словно погрузились в легкое безумие, захлебываясь от восторга, что наконец-то нашли друг друга.

Наша близость росла стремительно – может, отчасти потому, что мы уже успели хорошо изучить сильные и слабые стороны друг друга. Хотя о недостатках говорили меньше всего. Просто наслаждались тем, что кажемся друг другу идеальными. Мы часами занимались любовью, потягивали вино, ели свежую рыбу, которую Тео ловил с кормы, пока я, устроившись у него на коленях, лениво читала книгу. Физическая жажда дополнялась ненасытным желанием узнавать друг о друге все больше. Оказавшись с Тео в открытом море, тихом и бескрайнем, я чувствовала, будто мы выпали из времени и пространства. Нам не нужен был никто и ничто. Только он и я.

В нашу вторую ночь я лежала в объятиях Тео, глядела на звездное небо и рассказывала ему о сестрах и о Па Солте. Наша семейная история потрясла его не меньше, чем всех, кто слышал ее раньше. Он слушал затаив дыхание, поглощенный рассказом о моем необычном, почти сказочном детстве.

– Так, давай еще раз уточним детали. Имя Па Солт придумала твоя старшая сестра. А твой отец удочерил шестерых девочек, включая тебя, когда вы были еще младенцами, верно? Привез вас из разных уголков мира, путешествуя. Почти как туристы везут сувенирные магнитики.

– В общем, да, так все и есть. За исключением того, что мне хочется думать, что я представляю для отца все же большую ценность, чем какой-то там магнитик.

– Поживем – увидим, – ответил Тео, нежно покусывая меня за ухо. – Отец сам вас растил?

– Нет. У нас была Марина, которую мы привыкли звать просто Ма. Папа нанял ее в качестве няни и гувернантки еще тогда, когда удочерил Майю, мою старшую сестру. Марина фактически заменила всем нам мать. Мы ее просто обожаем. Она родом из Франции, и это объясняет, почему мы свободно говорим по-французски. Ну к тому же французский, как ты знаешь, является одним из государственных языков Швейцарии. У папы была идея фикс: чтобы все его дочери свободно разговаривали на двух языках. А потому сам он общался с нами исключительно на английском.

– Что же, надо сказать, его план удался. Я бы никогда не догадался, что английский не твой родной язык, если бы не твой шикарный французский акцент, – признался Тео, привлекая меня к себе и целуя в макушку. – А отец никогда не рассказывал, почему он удочерил именно вас? И почему целых шесть?

– Я как-то спросила Ма об этом. Но она ответила весьма расплывчато. Сказала, что ему было одиноко в нашем огромном доме. К тому же у него много денег, и он с радостью поделился ими. Но если честно, то мы никогда не задавались вопросом, как и откуда мы появились. Особенно в детстве.

Мы просто были, и все тут. К тому же мы всегда были семьей и воспринимали друг друга как единую семью. Словом, мы – это *мы*, и все дела.

– Похоже на сказку. Богатый благодетель берет себе на воспитание шесть сироток. А почему все девочки?

– Иногда мы шутили на этот счет. Говорили, что раз уж отец начал называть нас в честь звезд из Плеяд, то мальчик в эту концепцию просто не вписался бы и все нарушил. – Я тихо усмехнулась. – Но, если честно, никто из нас на самом деле не знает, почему так вышло.

– Созвездие Плеяд? Семь сестер? Значит, если ты вторая по старшинству, твое настоящее имя – Альциона? Звучит солидно. Не чета какой-нибудь Алли, – подшутил он.

– Да, но меня так никто и не называл. Разве что Ма, да и то, лишь когда была мной недовольна. – Я скорчила веселую рожицу. – И тебе не советую!

– А мне это имя нравится, моя птичка¹. И кажется, оно тебе очень подходит. Но тогда скажи, почему вас всего шестеро? По мифу, сестер должно быть семь.

– Понятия не имею. Будь у папы седьмая девочка, ее бы назвали Меропой. Но она так и не появилась в нашем доме.

– Грустно.

– Возможно. Хотя, с другой стороны, если вспомнить, каким кошмаром обернулось появление у нас Электры, самой

¹ Этим обращением Тео обыгрывает имя Алли, отсылая к зимородку-альционе, название которой созвучно с именем главной героини. – *Прим. ред.*

младшей, то не скажу, что мы, старшие, горели желанием за-получить еще одну вечную плаксу.

– Электра? – переспросил Тео. – Та самая всемирно известная модель?

– Она самая, – ответила я с легкой досадой.

Тео уставился на меня в немом изумлении. Я крайне редко, точнее, никогда не упоминала о родстве с Электрой. Иначе не избежать бесконечных и назойливых расспросов о том, что скрывается за одним из самых фотографируемых лиц в мире.

– Понятно, – протянул Тео. Он меня порадовал тем, что не стал расспрашивать дальше. – А остальные сестры?

– Старшая – Майя. Она переводчица. Унаследовала отцовский талант к языкам. Даже боюсь сбиться, перечисляя, сколько их она знает. Скажу лишь одно: если Электра кажется тебе красивой, ты просто не видел Майю. В отличие от меня, рыжей и веснушчатой, Майя – смуглая красавица с роскошными темными волосами. Выглядит как настоящая южноамериканская дива. Хотя по характеру – полная противоположность этим пылким южным красоткам. Она любит уединение, почти отшельнический образ жизни. Живет в Атлантиде. Говорит, чтобы быть рядом с отцом и помогать ему. Но мы считаем, что она просто прячется в отцовском доме... вот только от чего? – Я невольно тяжело вздохнула. – Сама толком не знаю. Но почти уверена: что-то случилось с ней в университете. Она тогда сильно изменилась, стала со-

всем другой. Но в детстве я ее обожала. Да и сейчас тоже. Хотя за последние годы она заметно отдалилась от меня. И от всех сестер. А когда-то мы были очень близки.

– Понимаешь, когда постоянно возвращаешься в большой компании, иногда хочется побыть одному. Знаешь, о чем я? – задумчиво сказал Тео. – Вместе бывает тесновато.

– Очень глубокомысленно, – поддразнила я с улыбкой. – Все зависит от того, насколько тесно.

– А следующая сестра?

– Ее зовут Стар. Она на три года младше меня. Мои две средние сестры образовали такую неразлучную парочку. Всего через три месяца после появления Стар папа привез в Атлантис Кики. И с тех пор они неразлучны. После университета они ведут почти кочевой образ жизни: колесят по Европе, путешествуют по Дальнему Востоку. Но сейчас, кажется, хотят осесть в Лондоне. Кики собирается пройти там серьезный курс по живописи. А вот о Стар... не могу сказать ничего конкретного. Спроси меня о ее талантах, амбициях, планах – и я честно отвечу: не знаю. Кики полностью ее подавила своим характером и говорит за них обеих. У нее сильный, властный нрав. В чем-то она похожа на Электру. И, как ты догадываешься, они не особо ладят. Электра у нас – как оголенный провод. Взрывная, непредсказуемая. Одно слово – Электра. Хотя, мне кажется, внутри у нее доброе и отзывчивое сердце. Я всегда в это верила.

– Да, твои сестры – уникальный материал для психологи-

ческого исследования. Что правда, то правда, – после паузы согласился Тео. – Кто следующий?

– Тигги. О, она просто душка. Окончила биофак, какое-то время работала в зоопарке в Женеве. Потом перебралась на Шотландское высокогорье, в заповедник по охране оленей. Тигги – она такая... – я на секунду задумалась, подбирая слова, – особенная. Не от мира сего. У нее очень необычные духовные воззрения. Она буквально парит между небом и землей. Мы иногда подшучивали над ней, даже бессердечно. Например, когда она говорила, что слышит голоса. А однажды утверждала, что видела ангела, сидящего на дереве в нашем саду.

– Выходит, ты сама не очень веришь в потустороннее?

– О нет. Я совсем другая. Твердо стою на земле обеими ногами. Точнее, на воде, – добавила я с улыбкой. – К тому же я по натуре человек очень практичный. Недаром сестры с самого раннего детства безоговорочно признавали меня своим вожаком. Словом, в нашем маленьком коллективе я всегда верховодила. Что, впрочем, вовсе не означает, что я без всякого пиетета отношусь к тому, чего я не знаю или не понимаю. А ты сам?

– Признаюсь, в отличие от твоей сестры, ангелов на деревьях я не встречал. Но я всегда ощущаю какую-то защиту. Что-то оберегает меня сверху, это точно. Особенно в открытом море. Со мной случались крайне неприятные ситуации, но пока выносило. Может, сам Посейдон взял меня под свою

опеку, если снова вспомнить мифы.

– Да не отвернется он от тебя и впредь, – шутливо сказала я.

– И последнее, но, пожалуй, самое интересное. Расскажи мне о своем необычном отце. – Тео нежно провел рукой по моим волосам. – Чем он, например, занимается? Как зарабатывает на жизнь?

– Честно говоря, мы, его дочери, сами толком не в курсе. Чем он конкретно занимается – понятия не имеем. Знаю лишь, что дела у него идут хорошо. Например, его «Титан» – это элитная океанская мегаяхта от самого Бенетти, – привела я пример с известной верфью, понятный Тео, чтобы дать представление об уровне достатка отца.

– Вау! – восхищенно выдохнул он. – По сравнению с яхтой твоего отца наша лодка – просто детская игрушка. Так, значит, у моей принцессы есть дворцы и на суше, и на море? – Тео мягко подколот меня. – Ты и правда тайная принцесса.

– Мы живем очень обеспеченно, это да. Но отец всегда учил нас быть самостоятельными и самим зарабатывать на жизнь. Когда мы выросли, он не осыпал нас деньгами. Никаких безлимитных карт у нас нет. Хотя на образование он денег никогда не жалел и не жалеет.

– Очень разумно. Ты близка с отцом?

– Очень! Он так много для меня значит. Для всех нас, его дочерей. Он самый дорогой человек на свете. Хотя, думаю, каждая из нас считает, что у нее с отцом – особые, довери-

тельные отношения. Я – точно. Отчасти потому, что мы оба без ума от паруса. В детстве я проводила с ним на воде много времени, только мы вдвоем. И учил он меня не только управлять яхтой. Па Солт – самый добрый и мудрый человек из всех, кого я знаю.

– Словом, ты у нас папенькина доченька. О, еще ко многому мне надо привыкать! – Рука Тео ласково переместилась с моих волос на шею.

– А теперь ты рассказывай, – проговорила я, чувствуя, как его ласковые прикосновения сводят меня с ума.

– Позже, Алли, хорошо? Ты же знаешь, что твой французский акцент сводит меня с ума. Я готов слушать его хоть до утра.

Тео приподнялся на локоть и наклонился, чтобы по-настоящему коснуться моих губ. После чего необходимость в словах отпала сама собой.

На следующее утро мы решили отправиться на остров Миконос, чтобы пополнить запасы провизии. Я снова нежилась под солнцем на верхней палубе, но тут меня окликнул Тео и попросил подняться к нему на мостик.

– Угадай, что я тебе сейчас скажу! – воскликнул он с довольным выражением лица.

– Что?

– Я только что беседовал по радиосвязи с Энди, одним моим приятелем. Он тоже яхтсмен и сейчас как раз бороздит просторы Эгейского моря на своем катамаране. Он предложил нам встретиться в заливе неподалеку от острова Делос. Поболтать, выпить... Среди прочего он упомянул весьма интересную вещь. Оказывается, буквально рядом с его катамараном встала на прикол огромная океанская яхта «Титан». Как ты понимаешь, такую новость я не мог пропустить мимо ушей.

– «Титан»? – изумленно воскликнула я. – Ты уверен?

– Энди сказал, это точно Бенетти. Вряд ли они строят две одинаковые яхты. И он добавил, что тут же в бухту вошел еще один плавучий дворец и начал наступать на его катамаран. Он решил не искушать судьбу и не мучить себя клаустрофобией рядом с двумя гигантами. Короче, отошел на пару миль и укрылся с другой стороны залива. Так что у нас

появился шанс не только встретиться с Энди, но и выпить чаю в компании твоего отца. Как думаешь?

– Я в полном шоке, – честно призналась я. – Папа не говорил ни слова, что собирается сюда. Хотя я прекрасно знаю, как он обожает ходить под парусом по Эгейскому морю – это его любимое место.

– Наверное, не сказал потому, что не ожидал тебя здесь увидеть. Но ты сама скоро сможешь убедиться в бинокль, что это его яхта. А потом свяжешься по рации с капитаном и предупредишь, что мы подходим. На всякий случай, чтобы избежать недопонимания. Вдруг это яхта какого-нибудь русского олигарха, забитая водкой и проститутками? Такой вариант тоже возможен. – Тео вдруг внимательно на меня посмотрел. – А твой отец не сдает яхту в аренду?

– Никогда! – твердо ответила я.

– Тогда, моя принцесса, вооружайся биноклем и возвращайся на палубу. А твой верный капитан тем временем встанет к штурвалу. Дай мне знак через иллюминатор, когда увидишь «Титан», и я сразу отправлю сообщение, что мы приближаемся.

Я снова забралась наверх и прилипла к биноклю, застыв в ожидании знакомых очертаний. Интересно, думала я, как пройдет встреча двух этих мужчин – одного, которого люблю больше всех на свете, и другого, в которого влюбляюсь все сильнее с каждым днем. Потом я попыталась вспомнить, знакомила ли отца раньше с кем-то из своих ухажеров. На-

верное, да, с кем-то из тех, с кем встречалась еще в Женевской консерватории. Но это было так давно. А если честно, за все эти годы у меня не было ничего серьезного. Никого, кого захотелось бы представить отцу или семье.

До недавнего времени...

Минут через двадцать я наконец различила в бинокль знакомый силуэт. Я увеличила резкость, вглядываясь в линию горизонта. Сомнений не было – это «Титан». Я повернулась к иллюминатору рубки и подняла большой палец вверх. Тео кивнул в ответ и взял трубку рации.

А я спустилась в каюту, чтобы привести себя в порядок. Собрала волосы в хвост, надела майку и шорты, кожей чувствуя, как внутри нарастает радостное возбуждение. Вот сейчас удивлю отца, думала я, предвкушая встречу. Не все же ему меня удивлять.

Я поднялась на мостик и спросила Тео, ответил ли Ганс, папин шкипер.

– Представь, нет. Я уже отправил второе сообщение. Если и на него не ответят, придется заявиться без приглашения. Напроситься на чай, так сказать. – Тео поднес бинокль к глазам, разглядывая вторую яхту, вставшую на якорь рядом с «Титаном». – О, а владельца второй яхты я знаю. Это «Олимпия» Крига Эсзу. Его компания спонсировала несколько моих экипажей на регатах. Я с ним даже пару раз встречался.

– Правда? – удивилась я. Криг Эсзу был личностью не менее известной, чем моя сестра Электра. – И каков он?

– Не скажу, что он меня очаровал. Однажды за ужином я сидел рядом с ним, и он всю ночь говорил только о себе и своих успехах. А его сын Зед еще хуже. Испорченный мажор, искренне считающий, что папины деньги могут купить ему все что угодно.

В глазах Тео вспыхнуло нескрываемое раздражение. А я насторожилась. Уже не в первый раз я слышала это имя от близких людей.

– Неужели он настолько плох?

– Да! Настолько! – твердо повторил Тео. – Одна моя знакомая когда-то с ним встречалась, а он обращался с ней... как с пылью под ногами. В любом случае...

Тео снова поднес бинокль к глазам.

– Надо отправить еще одно сообщение на «Титан». Мне кажется, яхта снялась с якоря и уходит. Попробуй ты, Алли, поговорить с ними по рации. Если твой отец на борту, он точно узнает твой голос. И шкипер тоже.

Я взяла трубку, пытаюсь вызвать «Титан». Тщетно. Уже невооруженным глазом было видно, как яхта набирает скорость и стремительно удаляется.

– Что будем делать? Погонимся за ними? – спросил Тео, наблюдая, как «Титан» уходит в открытое море.

– Я спущусь, возьму телефон и попробую дозвониться папе напрямую.

– А я пока прибавлю ход. Догнать их, конечно, будет сложно, да и фору они уже имеют приличную. Но я еще никогда

не соревновался с суперяхтой. Забавный вызов, – с легкой иронией заметил он.

Оставив Тео играть в догонялки, я вернулась в каюту, едва удержавшись в дверях, когда яхта резко рванула вперед. Порывшись в рюкзаке, я нашла телефон и попыталась его включить. Какое-то время я просто смотрела на темный экран, но он упорно не желал оживать. Так и есть – села батарея. Я снова полезла в рюкзак, на этот раз в поисках зарядки и адаптера. Наконец все нашла и подключила телефон, молясь, чтобы он поскорее включился. Когда я снова поднялась на мостик, Тео уже сбавил скорость до обычной.

– Не догнать нам твоего отца, – пояснил он. – Даже на максимальном ходу. И «Олимпия» тоже уходит. Ты позволилась?

– Пока нет. Телефон на зарядке.

– Возьми мой. Вот!

Тео протянул мне свой телефон, и я тут же набрала номер отца. Сразу же перебросило на голосовую почту. Я оставила короткое сообщение, объяснила ситуацию и попросила срочно перезвонить.

– Со стороны выглядит, будто твой отец нарочно от тебя убегает, – пошутил Тео, словно дразня меня. – Может, ему сейчас не хочется никого видеть. Но как бы там ни было, я свяжусь с Энди, узнаю его координаты, и мы направимся к нему.

Поняв по моему лицу, что я расстроена, Тео крепко обнял

меня.

– Прости, дорогая. Это была неудачная шутка. Не забывай, все сообщения идут в общем эфире. Возможно, на «Титане» просто не обращают на них внимания, считая помехами. Или вообще отключили связь. Я и сам так иногда делаю. Попробуй еще раз позвонить.

– Хорошо, – безропотно согласилась я.

Наша яхта на малой скорости направилась к острову Делос на встречу с другом Тео. И тут я вдруг вспомнила: отец, с которым мы провели бесчисленное количество часов под парусом, всегда повторял, что радиосвязь должна работать постоянно. И Ганс, его шкипер, всегда отслеживает все сообщения.

Меня охватила тревога. И, как потом оказалось, не зря. Наверное, это и есть то самое пресловутое шестое чувство.

На следующее утро я проснулась в объятиях Тео в живописной пустынной бухте Мачереса. На сердце у меня было по-прежнему тяжело, а при одной мысли, что во второй половине дня мы снова возьмем курс на Наксос, делалось еще хуже. Тео уже начал строить планы подготовки к предстоящей регате, которая должна стартовать через несколько дней. Судя по всему, время нашего безмятежного существования наедине друг с другом подошло к концу. Во всяком

случае, на данный момент.

Растянувшись совсем голой на палубе рядом с Тео, я попыталась стряхнуть с себя это томное, мечтательное состояние, отрешиться от всех чудесных мгновений, что подарило мне время с ним, и вернуться в сегодняшний день. Окунуться обратно в реальность. Мой телефон все еще лежал на зарядке с самого вчерашнего дня, с той минуты, как я его подключила.

Я поднялась со своего лежака, чтобы пойти вниз и забрать мобильник.

– Куда ты? – Крепкая рука Тео остановила меня.

– Пойду возьму свой мобильник. Нужно прослушать все поступившие сообщения.

– И сразу же назад, ладно?

Я выполнила его просьбу. А Тео тут же предложил отложить пока телефон в сторону. На некоторое время. Излишне говорить о том, что мне стало уже не до телефона и прошел по меньшей мере еще час, пока я наконец включила его.

Я была уверена, что в почте уже накопились сообщения от друзей и сестер. Осторожно сдвинула руку Тео с живота, стараясь его не разбудить, и включила телефон. Меня сразу поразило необычно большое количество писем. И целая серия голосовых сообщений.

И все они были от моих сестер.

«Алли, пожалуйста, незамедлительно свяжись со мной. Люблю. Майя».

«Алли, это Кики. Мы все тщетно пытаемся отыскать тебя. Пожалуйста, перезвони Ма или кому-то из нас».

«Дорогая Алли, это Тигги. Мы не знаем, где ты. Но ты нам срочно нужна».

Послание Электры заставило меня вздрогнуть.

«Алли! Боже мой! Какой ужас! Невозможно в это поверить, да? Лечу домой из Лос-Анджелеса. Сейчас как раз в пути».

Я поднялась с лежака и побрела в носовую часть яхты. Вне всякого сомнения, случилось что-то страшное. Трясущими пальцами я нажала на кнопку голосовой почты в надежде прояснить ситуацию. Почему сестрам вдруг так срочно понадобилось связываться со мной?

Прослушав последнее сообщение, я получила ответ на свой вопрос.

«Привет, это снова Кики. Все, судя по всему, боятся сказать тебе правду. Но тебе следует срочно приехать домой. Алли, мне жаль, что именно я должна сообщить тебе печальную новость, но так уж вышло. Па Солт умер. Прости... прости меня... И пожалуйста, перезвони при первой же возможности».

Кики, видимо, решила, что уже закончила разговор, но прежде чем в трубке раздался звуковой сигнал, означающий конец голосового сообщения, я услышала, как сестра громко всхлипнула.

Невидящим взглядом я уставилась на море. Как такое может быть? Ведь еще вчера я своими собственными глазами разглядывала в бинокль папину яхту «Титан». *Нет, наверняка произошла какая-то ошибка*, стала я успокаивать себя. Но, прослушав сообщение от Марины, которая была для меня матерью во всех смыслах этого слова, разве что не по крови, и которая сейчас буквально умоляла меня поскорее вернуться домой, а потом такие же душераздирающие послания от Майи, Тигги, Электры, я поняла...

– Боже! Господи боже мой!

Чтобы не упасть, я ухватилась за поручень. Телефон выскользнул из моих рук и с тяжелым стуком упал вниз. Я наклонилась, чтобы поднять его, в глазах у меня все поплыло. Я почувствовала, что еще немного – и я потеряю сознание. Тяжело дыша, я опустилась на палубу и закрыла лицо руками.

– Не может быть! Этого не может быть! – с громким стоном воскликнула я.

– Дорогая, что случилось? – Рядом появился Тео. Он все еще был раздет. Присел на корточки и приподнял мой подбородок. – Ради всего святого, что произошло?

Я лишь молча указала ему на валявшийся рядом мобильник.

– Плохие новости, да? – спросил Тео, поднимая мобильник с пола. Лицо его мгновенно приобрело озабоченное выражение.

Я кивнула.

– Ты сейчас сама похожа на привидение. Давай я отведу тебя в тень и дам воды.

Не выпуская мой мобильник из рук, Тео кое-как поднял меня и помог спуститься в каюту, а там усадил на кожаную банкетку. И почему это ему всегда выпадает участь видеть меня в таком беспомощном состоянии, мелькнуло у меня где-то на задворках сознания.

Тео быстро натянул на себя шорты, достал какую-то свою майку и облек в нее мое безжизненное тело. Потом налил изрядную порцию бренди и принес стакан воды. Мои руки продолжали трястись, а потому я попросила Тео помочь снова включить голосовую почту и прослушать оставшиеся сообщения. Глотнув бренди, я тут же поперхнулась, но в желудке сразу же стало тепло, и это помогло мне немного успокоиться.

– Готово! – Тео протянул мне мобильник, и я повторно прослушала сообщение от Кики, а потом и все остальные, включая три от Майи и одно от Марины. Потом послышался чей-то незнакомый голос, незнакомец представился Георгом Хофманом. Я смутно припомнила, что, кажется, это папин нотариус. Было еще несколько пустых сообщений. Видимо, абонент набирал мой номер и тут же вешал трубку, не зная, что сказать.

Тео смотрел на меня не отрываясь. Я положила мобильник на соседний стул.

– Па Солт умер, – прошептала я едва слышно и отрешенно уставилась в пустоту, погрузившись в затяжное молчание.

– Боже! Но как? Почему?

– Понятия не имею.

– Но, может, произошла какая-то ошибка? Ты уверена, что это правда?

– Уверена. Только у Кики хватило мужества сказать мне правду. Я и сама не понимаю, как такое могло случиться... Еще вчера мы с тобой видели папину яхту.

– Боюсь, у меня тоже нет никаких разумных объяснений, малыш. Перезвони-ка прямо сейчас домой. Это лучшее из того, что ты можешь сделать. – Тео снова придвинул ко мне мобильник.

– Я... *не могу!*

– Понимаю. Давай я позвоню им вместо тебя. Скажи мне только номер, и я немедленно...

– **НЕТ!** – крикнула я в ответ. – Нет! Мне срочно надо домой! Сейчас же! – Я подхватила с места и беспомощно огляделась по сторонам, потом задрала голову в небо, словно ожидая, что вот-вот надо мной зависнет вертолет, который и доставит меня туда, где мне надлежит быть в данную минуту.

– Послушай, Алли! Я отлучусь на пару минут. Включу интернет. Хочу сделать пару запросов. Посиди пока здесь.

Тео исчез у себя в рубке, а я оцепенело уставилась перед собой, все еще пребывая в шоковом состоянии.

– Мой отец... Па Солт... умер? Да не может этого быть! –

С моих уст сорвался зловещий смех, словно сама мысль об этом была невообразимо дикой. Отец всегда был таким несокрушимым, таким всемогущим, *таким живым*... – О господи! Что угодно, но только не это! – Меня стало трясти, мурашки побежали по рукам и ногам, словно я не жарилась под солнцем на волнах Эгейского моря, а находилась где-нибудь высоко в заснеженных Альпах.

– Докладываю! – проговорил Тео из рубки. – Авиарейс на два часа сорок минут с Наксоса в Афины мы уже пропустили. Что ж, рванем в Афины на яхте. Я забронировал тебе на завтра билет на самый первый утренний рейс из Афин до Женевы. Там оставались свободными всего лишь несколько мест.

– Значит, домой я сегодня не попаду?

– Алли, уже половина второго. И впереди у нас долгий путь до Афин. Не говоря уже о перелете в Женеву. Будем идти на полной скорости. Только сделаем короткую остановку на Наксосе, чтобы заправиться топливом. Думаю, при таком раскладе к вечеру мы доберемся до Афин. Хотя, если честно, пока с трудом представляю себе, как мы там пришвартуемся в темноте. Пирейский порт наверняка в это время суток забит под завязку.

– Понятно, – коротко ответила я, не зная, как мне пережить предстоящие бесконечные часы ожидания.

– Хорошо! Тогда я включаю двигатель. Может, хочешь посидеть рядом со мной?

– Чуть попозже, ладно?

Минут через пять я услышала, как ритмично заработала гидравлика, следом послышалось позвякивание поднимаемого вверх якоря. Негромко зажужжали двигатели. Яхта тронулась с места. Я поднялась со скамейки и пошла на корму. Прислонилась к поручням и задумалась. Островок, на котором мы провели ночь, стал стремительно удаляться от нас. Еще сегодня утром я думала, что побывала ночью в нирване, а теперь это место навсегда будет связано в моей памяти с известием о смерти отца. Ведь именно здесь я узнала, что папы больше нет в живых. Яхта ускоряла ход, и меня тут же начало подташнивать. Скорее всего, сказывался пережитый только что шок, а также чувство вины, которое буквально раздирало сердце. Ведь последние несколько дней я продемонстрировала такой тотальный и совершенно непростительный эгоизм. Думала только о *себе любимой* и о том, какое это счастье, что я встретила Тео.

Страшно даже представить себе, что, пока я нежилась в объятиях Тео, снова и снова занимаясь с ним любовью, мой бедный отец где-то в это время умирал. Разве я смогу простить себе *это*?

Тео сдержал слово, и на закате мы вошли в бухту Пирея. Весь долгий, бесконечный путь я провела с ним на мостике.

Молча лежала у него на коленях, пока он одной рукой держал штурвал, а другой мягко перебирал мои волосы. Море было беспокойным, но Тео уверенно вел яхту, разрезая волны на скорости. Едва мы встали на якорь, он спустился в камбуз и приготовил пасту. А потом стал кормить меня с ложки, как ребенка.

– Поспишь немного? – спросил он по завершении трапезы. По его усталому лицу я поняла, что он тоже вымотан. Столь стремительный марш-бросок до Афин дался ему нелегко. – Нам нужно будет подняться завтра в четыре утра, чтобы успеть на твой рейс.

Я согласилась, зная, что в противном случае Тео на всю ночь останется дежурить возле меня. Заранее приготовившись к длинной бессонной ночи, я позволила ему уложить себя в постель. Он лег рядом, обнял меня, прижал к себе и стал убаюкивать.

– Алли, если это хоть как-то облегчит твою горе, знай, я люблю тебя. Это точно.

Я молча смотрела сухими глазами в темноту. С той самой минуты, как узнала о смерти отца, я не проронила ни слезинки. Но тут я почувствовала, как глаза наконец наполняются влагой.

– И не думай, что я сказал тебе это лишь затем, чтобы немного утешить, – проронил Тео. – Я все равно сегодня вечером собирался признаться тебе в любви, – добавил он, немного помолчав.

– Я тоже тебя люблю, – прошептала я в ответ.

– Правда?

– Да.

– Ты даже не представляешь, что значат для меня твои слова. Пожалуй, выиграй я в этом году Фастнет, я бы не чувствовал себя более счастливым. А сейчас постарайся заснуть.

Как ни странно, уютно устроившись в объятиях Тео и расстроганная его признанием в любви, я действительно уснула.

На следующее утро такси медленно ползло по афинским улицам, забитым машинами даже в такой ранний час. Тео то и дело поглядывал на часы, боясь, что мы опоздаем. Обычно это я слежу за временем, и за своим, и за чужим, но сегодня была лишь рада, что он взял эту заботу на себя.

Я едва успела на регистрацию. До вылета оставалось минут сорок, не больше. Фактически я была последним пассажиром – стойка уже закрывалась.

– Алли, дорогая, ты уверена, что справишься без меня? – Тео смотрел на меня с беспокойством. – Может, мне полететь с тобой в Женеву? Как думаешь?

– Не волнуйся. Со мной все будет в порядке, – ответила я, направляясь к выходу.

– Но если что, сразу же дай знать, хорошо?

Мы встали в самый конец длинной очереди на досмотр. Она тонкой змейкой вилась между барьерами, преодолевая последние преграды перед свободой. Я обернулась к Тео:

– Спасибо тебе. Спасибо за все. Ты очень мне помог.

– Не так уж сильно. Послушай, Алли! – Вдруг он крепко обнял меня и притянул к себе. – Пожалуйста, просто помни: я люблю тебя.

– Обещаю, буду помнить, – ответила я, слабо улыбнувшись.

– А если почувствуешь, что не справляешься, сразу же позвони. Или хотя бы напиши, обещаешь?

– Обещаю.

– И еще вот что. – Тео разжал объятия, отпуская меня. – С учетом обстоятельств я полностью пойму и приму твоё решение, если ты откажешься от участия в регате.

– Я сразу же дам тебе знать.

– Без тебя нам, конечно, светит только поражение. Ты же лучший яхтсмен из всех, с кем я когда-либо выступал. До свидания, моя родная.

– Пока.

Я влилась в медленно движущуюся процессию сонных пассажиров. Прежде чем поставить рюкзак на ленту, я в последний раз оглянулась.

Тео все еще стоял на том же месте.

– Я люблю тебя, – беззвучно сказал он губами. Затем помахал на прощание, послал воздушный поцелуй и ушел.

В зале вылета, ожидая посадку, я вдруг почувствовала резкую перемену внутри. Любовная эйфория последних дней бесследно испарилась. Живот сковала неприятная пустота в предчувствии всего того страшного и необратимого, что ждало меня впереди. Я достала телефон и позвонила Кристиану, молодому шкиперу, управлявшему нашим катером на Женевском озере. Именно он должен был встретить меня в Женеве и доставить домой по воде. Я отправила ему СМС, сообщила, что буду ждать у понтона в десять утра. И попросила пока ничего не говорить ни Ма, ни сестрам. Написала, что сама с ними свяжусь.

Но, устроившись в кресле самолета, я поняла, что нет сил звонить кому бы то ни было. Да и вообще, хватит ли у меня сил выдержать еще несколько часов полного одиночества с этим знанием внутри? Я снова вспомнила звонок Кики. Лишь она одна из всей семьи нашла в себе смелость сказать мне правду.

Самолет начал разбег, оторвался от земли и взмыл вверх. Над Афинами занимался рассвет. Я прижалась горячей щекой к холодному стеклу иллюминатора, чувствуя, как внутри нарастает паника. Чтобы отвлечься, машинально взглянула на первую полосу International Herald Tribune, которую вручила стюардесса, и уже собиралась отложить газету, но тут мой взгляд упал на один заголовок.

**«ТЕЛО ФИНАНСОВОГО МАГНАТА ВЫНЕСЛО
НА БЕРЕГ ОДНОГО ИЗ ГРЕЧЕСКИХ ОСТРОВОВ»**

Ниже была помещена фотография. Смутно знакомое лицо. Подпись под фотографией гласила:

«Криг Эсзу найден мертвым на побережье Эгейского моря».

Я уставилась на фотографию, отказываясь верить своим глазам. Но ведь Тео со всей определенностью сказал мне, что в заливе острова Делос именно *яхта Эсзу*, «Олимпия», стояла рядом с яхтой отца. Газета непроизвольно соскользнула с моих колен и упала на пол. А я в полном недоумении снова уставилась в иллюминатор. Ничего не понимаю! Абсолютно ничего не понимаю!

Спустя три часа самолет пошел на посадку в аэропорту Женевы. Сердце в груди забилося с такой силой, что я с трудом смогла сделать вдох. Я вернулась домой. Обычно возвращение домой было радостным событием. Ведь впереди ждала волнующая встреча с самым дорогим человеком на свете. Я уже заранее предвкушала, как он выйдет встречать меня с распростертыми объятиями и я снова погружусь в волшебный мир своего детства. Однако на сей раз никто не будет встречать меня. Потому что его больше нет. И уже никогда не будет.

– Может, хотите сами повести, мадемуазель Алли? – Кристиан жестом указал на мое обычное место рядом со штурвалом. Любила я в былые времена погонять на полной скорости по тихим, спокойным водам Женевского озера.

– Не сегодня, Кристиан, – ответила я, и Кристиан понимающе кивнул с мрачным выражением лица. И оно лишний раз подтвердило мне, что все так и есть. Все, что я уже знаю, это правда.

Он завел мотор, а я бессильно опустилась на сиденье. У меня не было сил даже оглядеться. Я вдруг вспомнила, как совсем маленькой сидела у Па Солта на коленях и мы вдвоем мчались по Женевскому озеру. Потом – как он впервые позволил мне взяться за штурвал. А сейчас... Сейчас через считанные минуты меня ждет суровая реальность. Меня не отпускало чувство вины за то, что я не отреагировала вовремя ни на одно сообщение от близких. Боже, думала я, приближаясь к дому в полной прострации, как можно так внезапно сорваться с райских высот, из состояния эйфории, и стремительно рухнуть в пучину беспросветного отчаяния?

Взглянув на берег, на деревья, окружавшие дом, я отметила: ничего не изменилось. Атлантис выглядел как всегда. Кристиан сбавил ход и плавно причалил. Я выбралась из лодки и крепко привязала ее к тумбе. Вдруг внутри затеплилась

надежда. А вдруг все это неправда? Может, какая-то ошибка? Еще минута – и папа выйдет мне навстречу. Он должен быть здесь...

Но, глянув наверх, я увидела бегущих через лужайку Кики и Стар. А потом появилась Тигги. Она что-то крикнула в открытую парадную дверь и тут же бросилась догонять старших сестер. Я тоже ринулась навстречу к ним. Подбежала ближе и почувствовала, как у меня подкосились ноги при виде их унылых лиц. Я замерла на месте.

«Алли, – тут же мысленно приказала я себе, – не забывай, они нуждаются в тебе. Немедленно возьми себя в руки...»

– Алли! Как мы рады, что ты наконец здесь. – Тигги подбежала ко мне первой. Я застыла, всем своим видом стараясь демонстрировать спокойствие. Сестра крепко обняла меня. – Мы уже все тут извелись.

Следующей подошла Кики, а за ней верной тенью – ее неизменная спутница Стар. Молчаливая, как всегда, она тут же присоединилась к нашему объятию с Тигги.

Наконец я слегка отстранилась от сестер. В их глазах блеснули слезы. Мы молча направились к Атлантису.

При виде дома я снова почувствовала всю горечь потери. Па Солт называл этот дом нашим личным королевством. Он был построен еще в восемнадцатом веке, но и сейчас смотрелся как самый настоящий волшебный замок из сказок. Четыре башенки, венчающие замок со всех сторон, фасад, выкрашенный в светло-розовый цвет. Дом расположен на по-

луострове, находящемся в частном владении отца, и со всех сторон окружен величественными парками и садами. В Атлантисе я всегда чувствовала себя в полной безопасности. Но без папы волшебный замок мгновенно опустел.

Все вместе мы поднялись на террасу, и в этот момент из Павильона, небольшого флигеля, расположенного рядом с основным домом, показалась моя старшая сестра Майя. Красивые черты ее лица были искажены гримасой боли. Но при виде меня лицо у нее просветлело.

– Алли! – воскликнула Майя и бросилась ко мне, чтобы поприветствовать.

– Майя, какой ужас, да? – ответила я, чувствуя, как сжимается кольцо ее рук вокруг меня.

– Да, все очень плохо. Но как ты узнала? Мы тщетно пытались выйти с тобой на связь все последние два дня.

– Давайте войдем в дом, – сказала я, глянув на сгрудившихся вокруг меня сестер. – И я вам все объясню.

Сестры облепили меня со всех сторон, и лишь одна Майя безропотно поплелась сзади. Так уж вышло по жизни, что, несмотря на то что Майя была старшей в семье и со всеми своими личными проблемами девочки всегда устремлялись к ней, ища совета и утешения, роль «вождя племени» всегда принадлежала мне. Вот и сейчас я поняла, что Майя совсем не возражает, если я и дальше продолжу исполнять свои командные функции.

Ма терпеливо поджидала нас, стоя на пороге дома. Она

молча заключила меня в сердечные объятия. Я сразу же почувствовала теплоту родных рук и с удовольствием припала к ее груди. Не скрою, меня очень обрадовало ее предложение пройти всем вместе на кухню. Я проделала длинный путь, и сейчас мне отчаянно хотелось кофе.

Пока Клавдия, наша экономка, возилась у плиты, управляясь с огромной кофеваркой, в кухне возникла Электра. Длинноногая, загорелая, как всегда эффектная, умудряющаяся выглядеть элегантно даже в обычных шортах и майке.

– Алли! – негромко обронила Электра, а когда подошла ближе, то я увидела, какой у нее изможденный вид. Словно кто-то взял и откачал из ее тела все жизненные силы и потушил огонь, всегда полыхавший в несравненно прекрасных глазах насыщенного янтарного цвета. Она порывисто обняла меня и схватила за плечо.

Я обвела взглядом всех своих сестер. Как же редко собирались мы вот так, все вместе, в последние годы. А когда я подумала о причине, которая свела нас сейчас, то комок застрял в горле. И все же мне пора узнать, как все произошло. Но для начала нужно рассказать, где я была и почему так долго добиралась домой. Я сделала глубокий вдох.

– Прежде всего хочу сказать, что я сильно переживаю из-за того, что вы столько времени не могли выйти со мной на связь. Это правда. – Девочки дружно расселись вокруг стола. Но тут я заметила стоящую у дверей Ма и жестом показала на стул. – Ма, ты тоже послушай, ладно? Может, найдешь

какое-то разумное объяснение тому, о чем я собираюсь вам рассказать.

Ма послушно присела на предложенный стул, а я стала собираться с мыслями, не зная, с какого конца начать рассказывать о том, что мы видели «Титан».

– Я была на сборах в Эгейском море. Готовилась к предстоящей Кикладской регате, она должна начаться на следующей неделе. Но тут в преддверии выходных один мой приятель предложил провести уик-энд на его моторной яхте. Погода стояла прекрасная, и я решила, что для разнообразия можно и расслабиться на пару денечков.

– А чья яхта? – немедленно поинтересовалась у меня Электра, хотя я уже заранее знала, что она обязательно спросит об этом.

– Говорю же, одного моего приятеля, – ответила я уклончиво. Разумеется, мне очень хотелось рассказать сестрам про роман с Тео, но сейчас не самый подходящий момент, и я благоразумно удержалась от поспешных признаний. – И вот два дня тому назад, – продолжила я свое повествование, – приятель сообщил мне, что его друг, тоже яхтсмен, видел папин «Титан».

Я закрыла глаза, заново переживая все то, что последовало потом. Глотнула кофе. После чего как сумела поведала сестрам и все остальное. Как все наши радиосообщения, отправленные на «Титан», остались без ответа, как папина яхта, когда мы попытались подойти к ней поближе, снялась с

якоря и на большой скорости стала удаляться от нас прочь. Все слушали мой рассказ с огромным вниманием, но краем глаза я заметила, какими грустными взглядами вдруг обменялись между собой Майя и Ма. Потом я набрала в легкие побольше воздуха и произнесла свою главную ложь. Дескать, в той части Эгейского моря, где мы находились, очень плохая мобильная связь, а потому я лишь вчера смогла наконец ознакомиться со всеми посланиями и прослушала те сообщения, которые поступили на голосовую почту. В эту минуту я презирала себя, ненавидела всеми фибрами души за малодушное вранье, но ничего не могла с собой поделать. У меня не хватало духу признаться сестрам, что я попросту отключила свой телефон. Я также ни словом не обмолвилась еще об одной яхте, «Олимпии», которую мы с Тео видели в заливе в то же самое время.

– Вот я и спрашиваю, – обратилась я ко всем своим слушательницам, – может кто-нибудь из вас объяснить мне толково, что происходит? Как папина яхта могла находиться в Греции, когда его самого... уже нет в живых.

Все взоры устремились на Майю. Она медлила с ответом, видно тщательно взвешивая каждое слово.

– Алли, у папы случился острый сердечный приступ. Это произошло три дня тому назад. Ничего нельзя было сделать. Врачи оказались бессильны.

Услышав известие о смерти отца уже из уст старшей сестры, я поняла, что все действительно кончено. Раз и навсегда.

Я с трудом сдержалась, чтобы не расплакаться. Между тем Майя продолжила:

– Его тело доставили вертолетом на яхту. Потом «Титан» вышел в открытое море. Папу похоронили на дне океана, согласно его воле. Папа не захотел расстраивать нас всякими похоронными мероприятиями.

Я уставилась на сестру в немом шоке. Наконец-то до меня все дошло. Пазл сложился.

– О боже! – потрясенно прошептала я. – Получается, что я попала на папины похороны. Ничего удивительного, что яхта удирала от нас со скоростью звука. Я...

У меня не было больше сил притворяться сильной и спокойной. Я обхватила голову руками и постаралась сделать несколько глубоких вдохов, чтобы хоть как-то подавить нарастающую панику. Сестры сгрудились вокруг меня и стали успокаивать, кто как мог. Вообще-то я не привыкла давать слабину перед девочками, а потому даже попыталась извиниться за то, что совсем расклеилась, изо всех сил стараясь восстановить душевное равновесие.

– Понимаю, как тебе сейчас плохо, – участливо проговорила Тигги. – Поверь, мы все, Алли, очень сожалеем, что так вышло.

– Спасибо, – прошептала я в ответ и тут же сказала какую-то банальность на предмет того, что папа действительно однажды признался мне, что хотел бы упокоиться на дне морском. И вот надо же было случиться такому нелепому

совпадению, в результате которого я стала невольным свидетелем того, как «Титан» провожает отца в последний путь. От этих мыслей у меня снова стала кружиться голова. Не хватало воздуха.

– Не возражаете, – обратилась я к своим, – если сейчас я побуду какое-то время одна?

Все согласно закивали в ответ, и я ушла из кухни, провожаемая добрыми словами напутствия и поддержки.

Выйдя в холл, я беспомощно огляделась. Куда бежать? Где найти покой для своего измученного тела? Где искать утешения, которого так жаждала душа? Нигде. Куда бы я сейчас ни бросилась, в какую бы сторону ни побежала – папы там уже нет. И нет мне ни утешения, ни покоя.

Я толкнула массивную дубовую дверь и вышла на улицу. Лишь бы подавить в себе это чувство безысходности, что сдавливало грудь. Тело само понесло к пристани. Я облегченно вздохнула, увидев, что наша гоночная яхта «Лазер» стоит на привычном месте. Сразу же забралась на борт, подняла паруса и отдала швартовы.

Немного отойдя от берега, я поняла: ветер попутный. Подняла спинакер и помчалась по озеру сломя голову. Через какое-то время, чувствуя, что силы на исходе, бросила якорь в небольшой бухте, окруженной каменными утесами.

Мысли неслись беспорядочным потоком. Чтобы хоть как-то их упорядочить, я попыталась снова проанализировать все, что только что рассказала Майя. Увы, мысли продолжа-

ли метаться, и тогда я просто устала на воду, словно потерянная. Но в глубине души все еще теплилась надежда, что мне откроется нечто способное помочь понять все остальное. Как это произошло. И почему именно мне выпало присутствовать при том, что, скорее всего, было прощанием с Па Солтом? Почему? В чем причина? Или это просто совпадение?

Постепенно сердце перестало бешено колотиться, и в голове немного прояснилось. Появились силы, чтобы взглянуть в лицо фактам, которые так меня потрясли. Па Солт умер, и, хотя сама мысль о том, что его больше нет, казалась абсурдной, это так, и от этого никуда не деться. Чтобы принять его смерть и научиться жить дальше, я должна смириться с действительностью. Однако все мои доводы, все привычные истины, все банальные утешения разбивались о стену горя и неспособности поверить в случившееся. В конце концов я поняла: пока все попытки найти утешение тщетны. И теперь меня всегда будет преследовать не только горечь утраты, но и чувство, что отец ушел, даже не попрощавшись.

Я еще долго сидела на корме. Думала о том, что еще один день подходит к концу и прожит он уже без папы. Мне нужно собраться с силами и побороть это острое чувство вины, которое гложет изнутри. Страшно подумать, но я поставила на первое место собственное счастье, в то время как сестры, а может, и папа тоже так отчаянно нуждались во мне. Выходит, в самый критический момент я подвела их всех. Я под-

няла глаза к небу, слезы ручьем текли по щекам. Снова и снова я просила у Па Солта прощения.

Я зачерпнула воды, сделала несколько глотков, а потом откинулась на корму, подставив лицо теплomu ласковому бризу. Лодка мерно покачивалась на воде. Этот ритм всегда успокаивал меня. Незаметно для себя я задремала.

«Помни, Алли. Каждое мгновение самоценно. Мгновение — это все, что у нас есть. Не забывай об этом. Никогда».

С этой мыслью я проснулась и подумала, что это один из самых любимых папиных афоризмов. И хотя краска смущения выступила у меня на лице, когда я вспомнила, чем конкретно занималась с Тео в ту минуту, когда папа, быть может, испустил последний вздох, и подумала о том, как же причудливо сплелись в этой жизни ее начало и конец, я тем не менее сказала себе, что ни для вселенной, ни для папы, обретающегося сейчас совсем в иных мирах, не так уж и важно, чем и когда я занималась. Пила ли чай или просто спала мертвецким сном. Для папы отныне все это не имеет значения. Но одно я знала точно и наверняка: папа был бы счастлив, как никто на свете, если бы узнал, что я встретила такого человека, как Тео.

Домой я вернулась в уже более спокойном настроении. Оставалось еще кое-что, о чем я пока не рассказала сестрам. Каким именно образом мы с Тео отыскивали яхту отца. Я чувствовала, что для начала мне стоит рассказать свою информацию кому-то одной из них. В нашем ограниченном мире,

состоящем из шести сестер, разумеется, были свои группировки и объединения. Нас с Майей, как двух самых старших, тоже связывали особые узы приязни. С ней-то я и решила поделиться всеми своими секретами.

Я снова привязала «Лазер» к швартовой тумбе и подалась в дом. От сердца хоть и немного, но отлегло. Запыхавшаяся от быстрой ходьбы Марина встретила меня на лужайке. Я поприветствовала ее слабой улыбкой.

– Алли, ты что, гоняла по озеру на «Лазере»?

– Да. Мне надо было немного проветрить мозги.

– Тогда придется тебе пока коротать время в одиночестве. Девочки тоже отправились на озеро.

– Все?

– Нет, Майя осталась дома. Вернулась к себе в Павильон. Сказала, что у нее есть какая-то работа.

Мы с Ма обменялись короткими взглядами, и я лишний раз убедилась в том, как сильно подействовала на нее смерть отца. Я очень люблю Ма, в том числе и за то, что она всегда первой приходит к нам на помощь, взваливает на себя все наши беды и несчастья. Вне всякого сомнения, ее очень сильно беспокоило будущее Майи. В глубине души я всегда знала, что Майя была ее любимицей.

– Вот и отлично, – ответила я. – Я как раз собиралась к ней заглянуть. Составлю ей компанию, если она не будет против.

– Тогда передай ей, пожалуйста, что Георг Хофман, нотариус вашего отца, вскоре прибудет в Атлантис. Правда, вна-

чале он хочет перекинуться парой слов со мной. Уж и сама не знаю, что такого он собирается мне сказать. Но в любом случае предупреди Майю, чтобы через час она явилась в дом. И ты, конечно, тоже.

– Хорошо, – пообещала я.

Ма с нежностью пожала мою руку и, развернувшись, зашагала в направлении Атлантиса.

Я подошла к Павильону и негромко постучала в дверь. Ответа не последовало. Зная, что Майя никогда не запирает входную дверь, я вошла в холл и окликнула сестру по имени. И снова молчание в ответ. Тогда я направилась в гостиную. Сестра, свернувшись калачиком, спала на софе. Прекрасные черты ее лица разгладились, блестящие шелковистые волосы рассыпались по сторонам в живописном беспорядке, словно она позировала для какой-нибудь гламурной фотосессии. Когда я подошла ближе, Майя проснулась и с немного смущенным видом уселась на софе.

– Прости, Майя. Я тебя разбудила. Ты, наверное, спала, да?

– Кажется, я действительно заснула, – призналась Майя, заливаясь краской смущения.

– Ма сказала мне, что девочки пошли прогуляться на озеро. Вот я и подумала, зайду к тебе и немного поболтаю. Ты не против?

– Конечно, о чем разговор!

Судя по всему, она действительно крепко спала. Чтобы

дать ей время немного прийти в себя после сна, я предложила заварить чай для нас двоих. Когда мы уселись за стол и я попыталась поднять чашку с горячим чаем, я тут же заметила, как дрожит моя рука. Наверное, надо принять на грудь что-нибудь покрепче, чем чай, прежде чем приступить к своей исповеди перед сестрой.

– В холодильнике стоит початая бутылка белого вина, – понимающе улыбнулась Майя и вышла на кухню, чтобы налить мне бокал вина.

Сделав хороший глоток, я наконец собралась с силами и рассказала сестре о том, что два дня тому назад видела яхту Крига Эсзу, стоявшую на приколе рядом с яхтой папы. К моему удивлению, Майя побледнела, выслушав эту новость. И хотя я сама разболтала ей о том, что видела «Олимпию» рядом с нашим «Титаном», сейчас, когда я знала, что именно происходило в этот момент на борту папиной яхты, «Олимпия» меня совсем не интересовала. А вот Майя была просто потрясена известием, чего я от нее никак не ожидала. Я исподтишка наблюдала за тем, как она пытается успокоиться и прийти в себя, а затем по ходу нашего разговора Майя даже принялась успокаивать меня:

– Алли, бог с ней, с этой «Олимпией». Все это для нас несущественно. А вот то, что ты волей случая оказалась в том самом месте, где отец пожелал упокоиться, – вот это очень важно. Вполне возможно, через какое-то время, уже в конце лета, мы поступим так, как предложила Тигги. Снова

соберемся все вместе и отправимся в короткий круиз, возложим венок на воду в память об отце.

– Но самое страшное, Майя, я так виновата! Чувствую себя кругом виноватой! – воскликнула я, не в силах более таить свои переживания.

– Почему, Алли?

– Потому... потому что эти несколько дней, которые я провела на яхте своего приятеля, – они были такими прекрасными! И я была так счастлива... Еще никогда в своей жизни я не чувствовала себя такой счастливой. И признаюсь тебе как на духу, я не хотела контактировать с посторонним миром. Ни с кем! А потому я попросту отключила свой мобильник. И вот надо же такому случиться! В то самое время, когда он валялся бесхозным в моем рюкзаке, папа умирал. Быть может, я была нужна ему, а меня не оказалось рядом. Это ужасно!

– Успокойся, Алли, прошу тебя! – Майя пересела поближе ко мне, откинула пряди волос с лица и стала ласково укачивать меня в своих объятиях, словно малое дитя. – И перестань себя накручивать. Рядом с папой на тот момент не оказалось никого из нас. Разве ты забыла, что я безвылазно живу здесь? И что? Когда случилось страшное, меня в Атлантиде тоже не оказалось. Со слов Ма я поняла, что помочь папе действительно было невозможно. И мы все должны поверить в то, что так оно и было...

– Да, умом я все понимаю. Но, знаешь, мне еще о стольких

вещах хотелось расспросить его, рассказать... А теперь папы больше нет.

– Думаю, все мы испытываем сходные чувства. Но, во всяком случае, у нас есть все мы.

– Это правда. Спасибо тебе, Майя, за поддержку, – поблагодарила я сестру. – Невероятно, как в одно мгновение жизнь может перевернуться вверх дном.

– Все так, все так, – задумчиво бросила Майя и неожиданно улыбнулась. – Между прочим, могу я поинтересоваться, что или кто стал причиной твоего счастья?

Я тут же вспомнила Тео, и на душе стало тепло.

– Можешь. И в скором времени я обязательно расскажу тебе все. Обещаю. Но только не сейчас, ладно? А как ты сама, Майя? Как твои дела? – резко поменяла я тему разговора.

– У меня все в порядке, – слегка пожала она плечами в ответ. – Конечно, сейчас я тоже пребываю в шоке, как и все остальные.

– Само собой. Но тебе ведь было еще труднее. Пришлось сообщать сестрам эту печальную новость. Представляю, каково это было. Мне так стыдно, что на тот момент меня не было рядом. Чтобы помочь... снять с твоих плеч хотя бы часть груза...

– Но, слава богу, ты отыскалась в конце концов. А это означает, что коль скоро все мы в сборе, то можем встретиться с Георгом Хофманом, а потом начнем уже новую жизнь. Будем двигаться дальше.

– Ой, совсем забыла! – Я поспешно глянула на свои часы. – Ма просила, чтобы мы с тобой через час явились домой. Хофман должен прибыть в Атлантис с минуты на минуту. Но он изъявил желание вначале о чем-то переговорить с Ма, а уже потом встретиться со всеми нами. – Я подавила тяжелый вздох. – Майя, можно мне еще один бокал вина, пока мы будем дожидаться адвоката?

Ровно в семь вечера мы переступили порог Атлантида, чтобы встретиться с Георгом Хофманом. Сестры уже поджидали нас, собравшись на террасе. Все наслаждались красивым вечерним закатом, хотя и заметно волновались: напряжение буквально витало в воздухе. Электра, как всегда, пыталась скрыть свою нервозность за саркастическими комментариями по поводу того, что Па Солт всегда тяготел к драмам и мистериям. Но тут своевременно появилась Ма в сопровождении Георга Хофмана. Высокий, седовласый, безукоризненное облачение – темно-серый костюм. Словом, живое воплощение процветающего швейцарского юриста.

– Простите, девочки, за то, что заставил вас немного подождать, но вначале мне нужно было решить кое-какие организационные вопросы, – пояснил он. – Прежде всего примите мои самые искренние соболезнования. – Хофман почувствованно пожал руку каждой из нас. – Могу я тоже присесть?

Майя жестом указала на стул рядом с собой, и Хофман уселся. От моего взгляда не ускользнуло, что он заметно волнуется. Все время вертит на запястье свои внешне неброские, но очень дорогие часы. Марина попросила разрешения удалиться к себе, оставив нас одних.

– Что ж, девочки, – начал Хофман. – Мне очень жаль, что

я впервые встретился со всеми вами при столь печальных, я бы даже сказал, трагических обстоятельствах. Хотя, разумеется, у меня такое чувство, что я прекрасно знаю каждую из вас, и все благодаря вашему отцу. Хочу еще раз подчеркнуть, как сильно он любил вас, каждую из вас. — Я заметила, что на его лице отразилось искреннее переживание. — И не просто любил. Он безмерно гордился всеми вашими достижениями. Я разговаривал с ним совсем незадолго до того, как он... как он ушел от нас. И он попросил меня обязательно сказать вам все это.

Он бросил ласковый взгляд на каждую из нас по очереди. Потом придвинул к себе какую-то папку.

— Но вначале поговорим о финансовой стороне дела. Хочу сразу же уведомить вас, что все вы, каждая в отдельности, получите надлежащее обеспечение, которое позволит безбедно существовать до конца ваших дней. Однако ваш отец никогда не хотел, чтобы вы бездельничали. А потому вы получите скромный, но весьма разумный доход, такой, чтобы ни у кого из вас не маячили за спиной нищета и голод. Но при этом никаких излишеств и никакой роскоши. Он особо подчеркнул в разговоре со мной, что хотел бы, чтобы каждая из вас самостоятельно зарабатывала себе на жизнь, как это делал и он сам. Все состояние вашего отца переходит отныне в специальный трастовый фонд, записанный на всех вас. Мне оказана высокая честь стать распорядителем этого фонда. Именно мне в дальнейшем дано право решать все во-

просы, связанные с оказанием финансовой помощи любой из вас, если вы обратитесь ко мне за такой помощью или с какими-либо иными своими проблемами.

Все мы промолчали, напряженно вслушиваясь в каждое слово Хофмана.

– Имение Атлантик тоже является составной частью этого фонда. И Марина, и Клавдия обе любезно согласились и далее проживать в этом доме и ухаживать за ним. В тот день, когда скончается последняя из вас, трастовый фонд прекратит свое существование, а Атлантик может быть продан или поделен в равных долях между вашими будущими детьми. Если же прямых наследников не будет, тогда все деньги будут перечислены в один из благотворительных фондов, на котором ваш отец остановил свой выбор. – Хофман отодвинул от себя бумажки и добавил: – Хочу сделать одно чисто личное замечание. Мне представляется, что ваш отец очень разумно распорядился своим состоянием. И прежде всего потому, что решил сохранить в неприкосновенности этот дом. Это означает, что у каждой из вас есть место на земле, куда вы всегда сможете вернуться, если возникнет такое желание или какая-то необходимость. Хотя повторяю еще раз: больше всего на свете ваш отец желал, чтобы все вы разлетелись из родительского гнезда и продолжили жить уже своей жизнью.

Мы с девочками обменялись взглядами, словно прикидывая, какая жизнь ждет каждую из нас впереди. Что касается

меня, то финансовое благополучие как раз беспокоило меня меньше всего. Во-первых, я и так была финансово независимым человеком. Правда, работала как каторжная. Но обеспечивала себя целиком и полностью. А что касается личной жизни... Что ж, теперь с появлением в ней Тео я вполне искренне надеюсь, что у нас с ним сложится что-то стоящее, причем на долгую перспективу.

– А сейчас, – прервал мои размышления Георг Хофман, – осталось еще кое-что, что ваш отец поручил мне сделать. Попрошу проследовать за мной. Вот сюда, пожалуйста.

Мы, немного сбитые с толку предложением нотариуса, молча поплелись за ним, не понимая, куда и зачем он нас ведет. Он свернул за угол дома и повел нас по саду куда-то вглубь. Наконец мы вышли к укромному уголку, который так любил Па Солт. Такой скрытый от посторонних глаз сад посреди сада, огороженный со всех сторон аккуратно подстриженной живой изгородью из тиса. На нас пахло ароматами лаванды, пряными запахами любистока и бархатцев, которые в летнюю пору всегда привлекали к себе уйму пчел. Скамейка, на которой любил в свое время посидеть папа, располагалась в нише, окруженной со всех сторон белыми розами. Пышные гроздья соцветий лениво свисали прямо на то место, где он обычно сидел. Когда мы были еще детьми, Па Солт любил наблюдать за тем, как мы играем на усыпанном галькой берегу небольшого мыса, выступающего из сада прямо в озеро. А когда мне исполнилось шесть лет, отец

подарил мне небольшое зеленое каноэ, и я начала учиться управлять лодкой.

– Вот что я хочу вам показать. – Голос Хофмана снова оторвал меня от мыслей о прошлом и вернул в день сегодняшний. Он махнул рукой в центр террасы. Мы подошли ближе к тому месту, чтобы рассмотреть, что там стоит. На каменном постаменте, доходящем мне почти до линии бедра, был установлен шар золотистого цвета. Шар был проткнут насквозь тонкой металлической стрелкой, а вокруг нее расположились металлические полосы, изящным образом обвив собой весь шар. Приглядевшись, я увидела на нем очертания морей и океанов, искусно выгравированных кем-то на золотистой поверхности шара, заключенного в специальный корпус. Да ведь это же самый обычный глобус, догадалась я. А стрелка наверняка указывает направление на север. Более широкая металлическая полоска опоясывала глобус по экватору. На ней были выгравированы двенадцать знаков зодиака. Похоже на старинный навигационный прибор. Да, но зачем он понадобился папе?

– Вы видите перед собой армиллярную сферу, – пояснил Хофман, обращаясь ко всем нам. После чего рассказал, что этот прибор существует уже многие тысячи лет. Древние греки сверяли по армиллярной сфере местонахождение звезд и определяли время суток.

Взглянув на золотистый шар уже понимающим взглядом, я не могла не восхититься изящной конструкцией этого ста-

ринного навигационного инструмента. Девочки тоже разглядывали прибор в полном восторге. Лишь Электра нетерпеливо воскликнула:

– Да, но какое отношение все это имеет к нам?

– К сожалению, в мою компетенцию не входит давать вам разъяснения по этому вопросу, – сказал Хофман извиняющимся тоном. – Могу сказать лишь одно: если вы повнимательнее взгляните в сферу, то обнаружите, что на каждой металлической полоске выгравированы ваши имена.

Так и оказалось! Четкие, красиво выгравированные буквы на металле.

– Вот твое имя, Майя, – указала я на одну из полосок. – Там еще какие-то циферки рядом. Сдается мне, что это координаты. – Я погрузилась в изучение цифр. Потом нашла свое имя и тоже стала изучать цифры рядом с ним. – Да, точно! Это координаты! Вот только чего?

Рядом с координатами виднелись еще какие-то слова, написанные на незнакомом мне языке. Майя определила, что это греческий, и пообещала, что позже она переведет для нас все эти надписи.

– Ладно! – не выдержала Кики. Судя по всему, ее терпение тоже лопнуло. – Все прекрасно. Изящная такая скульптурная композиция для садово-паркового комплекса. Но что на самом деле все это означает?

– Повторяю еще раз, – терпеливо ответил ей Хофман. – Я не уполномочен давать разъяснения по этому поводу. По-

ра нам возвращаться в дом. Наверняка Марина уже разлила по бокалам шампанское, как ей было велено вашим отцом. Он хотел, чтобы вы отметили его уход именно шампанским. После чего я вручу каждой из вас конверт с письмом от него. Надеюсь, эти письма скажут вам много больше того, что знаю я.

Продолжая размышлять над загадкой таинственных координат, я медленно двинулась в дом вслед за остальными. Все мы были немного сбиты с толку, не понимая, что именно завещал нам отец. Ма молча разлила шампанское по бокалам. Глядя на то, как она методично обходит всех нас, я вдруг подумала: наверняка она знала заранее то, о чем нам сегодня вечером сообщил Хофман, но лицо ее хранило обычное непроницаемое выражение.

Георг Хофман поднял бокал.

– Попрошу всех присутствующих поднять этот тост и почтить замечательную жизнь, которую прожил ваш отец. Могу лишь сказать вам, девочки, что он сам захотел устроить свои похороны так, как они прошли. И он уже заранее был счастлив, зная, что все вы соберетесь в Атлантиде, в доме, в котором прожили бок о бок с ним столько лет. Чем он всегда гордился.

– За Па Солта! – воскликнули все мы почти одновременно, поднимая бокалы.

А потом молча выпили шампанское, погрузившись каждая в свои невеселые мысли. Я еще раз вспомнила про наш

поход к армиллярной сфере и подумала о том, на сколько вопросов у меня пока нет ответов. А они нужны, отчаянно нужны.

– А когда вы вручите нам письма? – спросила я у нотариуса.

– Прямо сейчас. Только схожу и достану их из своего кейса. – Хофман поднялся из-за стола и скрылся в доме.

– Более нелепых поминок я еще в своей жизни не видела, – обронила Кики.

– Можно мне еще немного шампанского? – попросила я у Ма. Девчонки стали о чем-то негромко спрашивать друг друга, Тигги тихо плакала.

– Как бы мне хотелось, чтобы папа сам объяснил нам все это, – прошептала она сквозь слезы.

– Увы, это уже невозможно, Тигги, – ответила я как можно тверже и жизнеутверждающе, понимая, что еще пара минут – и все сестры с головой окунутся в атмосферу полнейшего уныния и отчаяния. – Как мне кажется, папа сделал все от него зависящее, чтобы максимально облегчить нам процедуру прощания с ним. Остается лишь смириться с неизбежным и черпать друг у друга силы, чтобы пережить наше большое горе.

Все согласно кивнули. Даже Электра. Я нежно пожала руку Тигги. В этот момент появился Хофман и положил на стол шесть конвертов из пергаментной бумаги. Я машинально посмотрела на них. На лицевой поверхности каждого ровным,

четким почерком отца были написаны наши имена.

– Письма были переданы мне на хранение где-то шесть недель тому назад, – сказал Хофман. – Мне было велено в случае смерти вашего отца вручить эти письма каждой из вас.

– Мы должны вскрыть их прямо сейчас? Или можно прочитать письма попозже? К примеру, если кто-то из нас захочет сделать это в одиночестве? – уточнила я на всякий случай.

– Никаких определенных распоряжений на сей счет ваш отец мне не оставил. И каких-то специальных оговорок тоже не делал, – ответил нотариус. – Единственное, он сказал, что вы вольны открыть письмо, адресованное вам, когда будете внутренне готовы сделать это и сами захотите ознакомиться с его содержанием.

Глянув на лица сестер, я поняла, что все они хотят прочитать письмо отца в одиночестве.

– Итак, моя миссия на сегодня завершена. – Георг Хофман кивком попрощался с нами, предварительно вручив каждой из сестер свою визитку и сказав, что он всегда к нашим услугам. – Но, зная вашего отца, – добавил он тут же, – я абсолютно уверен в том, что он заранее до мельчайших подробностей предусмотрел все, что вам может понадобиться. А сейчас, девочки, позвольте мне откланяться. И еще раз примите мои самые глубокие и искренние соболезнования.

Наверное, Хофману далась встреча с нами ой как непро-

сто. Столько вокруг папиной смерти и его наследства таинственного и непонятного. Но как бы то ни было, а он со своей миссией справился вполне успешно. Я обрадовалась, увидев, как Майя поднялась, чтобы поблагодарить его от имени нас всех.

– До свидания. В случае чего вы знаете, где меня искать.

Хофман одарил всех нас грустной улыбкой, сказал, что он сам найдет дорогу, и покинул террасу.

Ма тоже поднялась из-за стола.

– Думаю, пора уже что-нибудь поесть. Скажу Клавдии, чтобы она подала ужин прямо сюда.

С этими словами Ма исчезла в доме.

Впервые за весь день я сообразила, что даже не думала все это время о еде. Мысли мои продолжали вращаться вокруг армиллярной сферы и папиных писем.

– Майя, что, если нам прямо сейчас сходить к армиллярной сфере и ты переведешь нам все те изречения, которые на ней выгравированы? Как думаешь? – поинтересовалась я у сестры.

– Конечно, так и сделаем, – согласилась со мной Майя. В этот момент на террасе появились Марина и Клавдия. Они несли тарелки и столовые приборы. – Давай сразу же после ужина, ладно?

Электра молча обозрела пустые тарелки и тут же поднялась из-за стола.

– Надеюсь, девочки, вы не будете возражать, если я поки-

ну вас? Я не голодна.

Когда Электра ушла, Кики повернулась к Стар:

– А ты хочешь есть?

Стар крепко сжала в руке свой конверт.

– Думаю, нам все же следует перекусить, – неуверенно пробормотала она.

Ее предложение прозвучало весьма разумно, а потому, когда подали ужин, мы постарались с трудом, но загнать в себя по кусочку домашней пиццы и салат. Сразу же после ужина сестры одна за другой заторопились к себе. Всем, видно, хотелось побыть в одиночестве. За столом остались только Майя и я.

– Знаешь что, Майя? Пожалуй, я тоже пойду к себе. Улягусь пораньше спать. Что-то я чувствую себя страшно измотанной.

– Конечно-конечно! – живо откликнулась сестра. – Предлагаю, как тебе сейчас тяжело. Ты ведь узнала новость последней. Наверняка еще не отошла от пережитого шока.

– Думаю, ты права, – согласилась я с сестрой, поднимаясь из-за стола и целуя ее в щеку. – Доброй ночи, Майя, дорогая моя.

– И тебе доброй ночи.

Я чувствовала себя немного виноватой, что бросаю Майю за столом в одиночестве. Но мне вдруг страшно захотелось побыть одной. К тому же письмо, которое я держала в руке, буквально прожигало насквозь мои пальцы. Прикинув, где в

этом доме я смогу обрести вожаденный покой и умиротворение на грядущую ночь, я остановила свой выбор на собственной детской. Там мне всегда было хорошо. Я преодолела два лестничных пролета и поднялась на третий этаж. Все комнаты девочек размещались здесь, на самом верху. Когда мы с Майей были маленькими, мы часто играли вместе, воображали себя сказочными принцессами, обитающими в волшебном замке. Моя комната была светлой и лаконичной. Стены отделаны панелями из красного дерева, на окнах – занавески в сине-белую клеточку. Тигги однажды заметила, что моя детская сильно смахивает на такую старомодную каюту на каком-нибудь океанском судне. Круглое зеркало, вставленное в спасательный круг, на котором с помощью трафарета выведены слова «Алли от Кики и Стар», было рождественским подарком, который девочки преподнесли мне много лет тому назад.

Я села на кровать и стала вертеть в руках конверт с письмом от отца. Интересно, успели сестры прочитать свои письма? Или все еще медлят, боясь откровений, которые могут в них таиться? В моем конверте, помимо листа, лежал еще какой-то крошечный предмет, который перемещался при каждом движении. Вообще-то я всегда была нетерпеливой. Первой из сестер рвалась распечатать рождественский подарок или то, что дарили на день рождения. И сейчас, разглядывая конверт, я чувствовала, как руки сами тянутся его вскрыть. Я надорвала край и вынула плотный лист бумаги. И даже

вздрагнула, когда на одеяло выпало что-то маленькое и твердое. Пригляделась – и снова вздргнула. Это была крошечная коричневая лягушка.

Сначала мне даже показалось, что она живая. Какая глупость! Я стала разглядывать ее со всех сторон, потом взяла в руки. Желтые пятнышки на спинке, добрые выразительные глаза. Я провела пальцами по лягушачьей спине, удивляясь, как удобно фигурка легла на ладонь. Но зачем папа положил ее в конверт? Насколько я помню, ни он, ни я никогда лягушками не увлекались. Может, это одна из тех шуток, на которые всегда был горазд Па Солт? И в письме он объяснит зачем.

Я развернула письмо и начала читать.

Атлантис
Женевское озеро
Швейцария

Моя дорогая Алли!

Вот я пишу первые строки своего письма и явственно представляю тебя. Мою красивую, полную жизни и энергии дочь. Вижу, как ты лихорадочно скользишь взглядом по письму, чтобы побыстрее дочитать его до конца. А потом снова перечитать, но уже медленнее и вдумчивее.

В любом случае, когда ты будешь читать это письмо, меня уже больше не будет рядом с тобой. Понимаю, каким шоком это стало для тебя, для всех вас,

девочек. Но я хорошо знаю, что ты у нас самый главный оптимист. Твой позитивный настрой, твоя жизненная энергия, та самая жажда жизни, которая всегда подпитывала и меня, помогут тебе достойно справиться с горем. Уверен, ты сумеешь собраться, как всегда это делала в трудные минуты, чтобы двигаться дальше. Именно так ты и должна поступить.

Пожалуй, ты из всех моих дочерей больше всего похожа на меня. Могу лишь сказать, что я всегда безмерно гордился тобой, восхищался твоими успехами. Молюсь, чтобы несмотря на то, что меня больше нет рядом с тобой, ты и дальше продолжала жить такой же наполненной и насыщенной событиями жизнью, которой жила всегда. Самый страшный враг человека – это его собственный страх. Господь одарил тебя бесценным даром: Он лишил тебя чувства страха. Дорожи этим чувством превыше всего, моя дорогая Алли. Даже сейчас, когда ты горюешь и скорбишь. Обещаешь мне?

Причина, по которой я решил написать тебе письмо, помимо желания попрощаться, вот такая. Некоторое время тому назад мне пришла в голову мысль, что пора дать вам, девочкам, какие-то наводки на предмет вашего настоящего происхождения. Что вовсе не означает, что ты должна немедленно бросить все и заняться поисками родни. Но кто знает, как повернется твоя жизнь в будущем? Вполне возможно, в один прекрасный день тебе самой захочется отыскать свои корни. Или это может понадобится тебе по другим

причинам.

Ты уже видела армиллярную сферу и те координаты, которые выгравированы на ней рядом с твоим именем. Они выведут тебя на конкретное географическое место, которое может стать отправной точкой твоего путешествия в прошлое. В моем кабинете стоит на полке книга, написанная человеком, который уже давным-давно умер. Йенс Халворсен – его имя. Из нее ты тоже узнаешь много чего интересного. Вполне возможно, прочитав эту книгу, ты захочешь более обстоятельно покопаться в своей родословной. Если так, то у тебя достаточно ума и сообразительности, чтобы решить, как наилучшим образом начать свои поиски.

Моя дорогая девочка, ты от рождения одарена многими талантами. Пожалуй, их даже слишком много у тебя, этих талантов. Во всяком случае, так мне порой казалось. Ведь при определенных обстоятельствах слишком много так же плохо, как и слишком мало. Меня также мучают угрызения совести, что той неумемной тягой к морю, которую я тебе привил с раннего детства, я сбил тебя с верного пути. Не дал развиваться другим твоим талантам, которых у тебя, повторяю еще раз, в избытке. Начнем с того, что у тебя ведь самый настоящий талант к музыке. Я обожал слушать, как ты играешь на флейте. Если я действительно виноват, что не дал тебе состояться как полноценному музыканту, прости меня. Но знай, что те дни и часы, которые мы провели с тобой вместе на

озере, были самыми счастливыми днями в моей жизни. Благодарю тебя за них от всего сердца.

Вместе с письмом я вложил в конверт одно из своих самых ценных сокровищ. Даже если ты не станешь разбираться со своей родословной, сбереги эту вещицу. Возможно, в будущем ты передашь ее по наследству своим деткам.

Дорогая моя Алли, несмотря на то потрясение, которое ты испытываешь, читая сейчас эти строки, верю, твоя жизнестойкость и нестигаемость, воля к победе и целеустремленность помогут тебе во всем, всегда и везде. Не трать понапрасну ни секунды своей жизни. Живи полноценно и насыщенно. Договорились?

Я буду следить за твоими успехами.

Твой любящий отец Па Солт

Папа все угадал точно. Я действительно перечитала письмо дважды. Вначале просто пробежала глазами, а потом уже стала вчитываться в каждое слово. Я буду перечитывать его и в будущем, сотни, тысячи раз.

Я откинулась на кровать, все еще сжимая в руке маленького лягушонка. Пока остается лишь гадать о том, что связывает его с моим прошлым. Я снова стала перебирать в памяти все, что написал мне отец. Надо будет обязательно обсудить это с Тео. Уж он-то наверняка поможет мне разобраться в этих хитросплетениях. Я машинально потянулась к своей сумочке, чтобы достать из нее мобильник и посмотреть, какие эсэмэски он мне прислал. Но тут я вспомнила, что бро-

сила сумочку в кухне еще утром, сразу, когда приехала.

Я тихонько вышла в коридор, стараясь не потревожить никого из моих сестер. Дверь в комнату Электры была слегка полуоткрыта. Я осторожно заглянула в комнату, желая удостовериться, что сестра спит. Но Электра сидела на постели, повернувшись ко мне спиной, и что-то пила прямо из бутылки. В первый момент я решила, что это вода. Но когда она сделала еще глоток, я поняла, что она пьет водку. Вот она отняла бутылку ото рта, закрыла ее крышкой и поставила под кровать.

Я поспешно отошла от двери, чтобы сестра не заметила моего присутствия. На цыпочках проследовала к лестнице и спустилась на этаж ниже, немного ошарашенная увиденным. Из всех нас именно Электра всегда больше всех следила за здоровьем. И вдруг я застаю ее среди ночи за спиртным. Невероятно! Хотя, наверное, в такое тяжелое время обычные правила и не работают.

Постояв немного, я направилась к папиным апартаментам на втором этаже. Мне вдруг страшно захотелось снова почувствовать его присутствие рядом.

Толкнула дверь в его спальню, и слезы тут же брызнули у меня из глаз при виде его высокой односпальной кровати, на которой, скорее всего, Па Солт и испустил свой последний вздох. Эта комната кардинально отличалась от всех остальных помещений в доме. Функциональная по своему назначению, она производила впечатление совершенно пустой. По-

лированный деревянный пол, голый, безо всяких там ковров, простая деревянная кровать, старая прикроватная тумбочка из красного дерева. На ней стоял папин будильник. Я вдруг вспомнила, как однажды, еще будучи совсем маленькой девочкой, пробралась в папину спальню и как потряс меня тогда этот будильник. Помнится, папа даже разрешил мне немного поиграть с ним, понажимать на всякие кнопочки, послушать, как звенит звонок. А я весело хихикала всякий раз, слушая, как он звенит.

– Я завожу этот будильник каждый день, – пояснил мне отец и тут же стал заводить пружину. – Иначе он перестанет тикать.

Будильник больше не тикал.

Я пересекла комнату и уселась на папину кровать. Несмятые, накрахмаленные простыни, но я все равно осторожно погладила кончиками своих пальцев белоснежную ткань наволочки на подушке, на которой покоилась папина голова в последние мгновения его жизни.

Интересно, куда пропали папины старые наручные часы марки *Omega Seamaster*? И куда подевались остальные дорогие его сердцу вещи, которые он обычно называл «своими сокровищами»? Как сейчас помню эти выдавшие виды часы на его руке, простые, с элегантным золотым циферблатом, на обычном кожаном ремешке, который он всегда застегивал на четвертую дырочку. Однажды я подарила Па Солту на Рождество новый кожаный ремешок, и отец клятвенно за-

верил меня, что обязательно воспользуется моим подарком, как только старый ремешок придет в негодность. Но так и не воспользовался.

Мы с сестрами часто размышляли над тем, что, по идее, папа мог бы купить себе любые часы, какие ему только вздумается. Любой конструкции, любого модного дизайна, нацепить на руку любую престижную марку. Это же относилось и к его одежде. А он годами носил, как нам казалось, одни и те же вещи. Во всяком случае, когда не плавал где-то, а жил в Атлантиде. Его старый твидовый пиджак все мы помнили с детства. Под пиджаком всегда безупречно выглаженная, накрахмаленная белоснежная рубашка, скромные золотые запонки и на ногах темные брюки с по-военному отутюженными стрелками. Всегда одни и те же ботинки с начищенными до блеска носками. Что ж, папа всегда был скромен в желаниях, подумала я, обводя взглядом комнату. Небольшой шифоньер из красного дерева и такой же крохотный комод – вот и вся мебель в папиной спальне, в которой явственно витает самый настоящий спартанский дух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.